

КЕМЕРОВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ МЕДИЦИНСКАЯ АКАДЕМИЯ¹
На правах рукописи

ЛОПАТИН Леонид Николаевич

**РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В 80-90-Е ГОДЫ
(НА ПРИМЕРЕ КУЗБАССА)**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

ДИССЕРТАЦИЯ

В виде научного доклада на соискание ученой степени
Доктора исторических наук

Москва 1999

<https://istor-issle>

Работа выполнена на кафедре отечественной истории, основ экономической теории и общей психологии Кемеровской государственной медицинской академии

Официальные оппоненты:
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

ВЕЛИЧКО О.И.

доктор исторических наук, профессор
ПИБОВАР Е.И.

доктор исторических наук, профессор
СИНЯВСКИЙ А.С.

Ведущая организация – Институт мировой экономики и международных отношений

Защита состоится _____ 1999 г. на заседании диссертационного совета Д. 53.01.09 в Московском педагогическом государственном университете по адресу: 117571, Москва, проспект Вернадского, д. 88, ауд.817.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Московского педагогического государственного университета по адресу: 119882, Москва, ул. Малая Пироговская, д.1

Диссертация
в виде научного доклада разослана

26 апреля 1999 г.

ученый секретарь
диссертационного совета

КИСЕЛЕВА Л.С.

АКТУАЛЬНОСТЬ И ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ.

Предметом исследования явилось рабочее движение России (на примере Кузбасса) в условиях кризиса советской экономической и политической системы и перехода российского общества к либеральным преобразованиям.

Рабочее движение – это общественная активность рабочих и служащих, обусловленная их интересами в качестве наемных работников и направленная на защиту их интересов. Как массовое проявление недовольства сначала социально-экономическим, а потом (через 1,5 месяца) и политическим положением, оно проявилось впервые в Кузбассе 11 июля 1989 г. Через несколько дней забастовка стала всеобщей отраслевой: “поднялись” Донбасс, Воркута, Караганда и др. Под влиянием забастовки качественно изменились демократические процессы в наиболее продвинутых в этом отношении регионах: Москве, Прибалтике и др. Осенью 1989 г. состоялись “нежные революции” в странах Восточной Европы. Случился эффект домино.

В политической истории Кузбасса 80-90-х гг. наиболее рельефно отразилась судьба российской демократии. Среди всех регионов СССР, видимо, не было равных Кузбассу по степени влияния на развитие политических процессов всей страны. В июле 1989 г. шахтёрская забастовка продемонстрировала всему миру кризис “верхов” СССР. Для урегулирования острого социального конфликта власть уже не рискнула использовать, как прежде, силовой метод. Это привело к бурному росту общественной активности граждан как СССР, так и восточно-европейских стран. Вскоре были объявлены и проведены первые свободные выборы в республиканские и местные Советы народных депутатов. В связи с невыполнением экономических требований шахтёров Кузбасса, Донбасса, Воркуты, Караганды общественность страны смогла убедиться в крайней неэффективности всей экономической системы, неспособной удовлетворить элементарные нужды трудящихся даже отдельных регионов. В 1990 г. Кузбасс подал первый пример в проведении массовых протестов под лозунгами ликвидации монополии КПСС на власть, ликвидации парткомов на предприятиях. Угроза всеобщей забастовки кузбассовцев в январе 1991 г. стала, видимо, одним из основных факторов, не позволивших советскому руководству повсеместно распространить силовой опыт подавления демократии, как это случилось в Вильнюсе. Весенняя 1991 г. отраслевая забастовка, в которой Кузбасс играл доминирующую роль, с одной стороны окончательно поляризовала политические силы страны, с другой, –

предотвратила ползучий переворот, вынудила политическое руководство СССР искать консенсус с руководством союзных республик, согласиться на заключение принципиально нового союзного договора на основе подлинного национального равноправия и взаимовыгодного сотрудничества республик.

Однако несмотря на высокую общественную активность, полноценный прорыв кузбассовцев (как и всех россиян) в открытое гражданское общество, так и не состоялся. С середины 90-х годов в России чётко обозначилась опасность восстановления некоторых элементов антидемократической системы. В отдельных случаях Кузбасс и здесь играл определяющую роль (забастовка врачей и учителей – сентябрь 1991 г., комитеты спасения – 1996 г. “рельсовые войны” – 1997, 1998 гг., ставка на режим “сильной руки”) и др. Об объективной и субъективной обусловленности этих реставрационных процессов в России можно судить на примере Кузбасса как региона с наиболее выраженной социальной активностью граждан.

Хронологическое сопоставление событий, имевших место в СССР в целом и Кузбасса в частности, показывает, что шахтёры Кузбасса имели в общественном движении 1989-1991 гг. приоритеты:

- Они первыми в СССР отважились на открытый массовый организованный протест (хотя он и начался случайно).
- Рабочие комитеты Кузбасса стали первой в стране законной общественной организацией, оппозиционной КПСС и властным структурам.
- Они первыми создали легальную, антикоммунистическую массовую газету, тираж которой колебался от 60 тыс. до 600 тыс. Пока средства массовой информации СССР функционировали в режиме “гласности” (то есть, частичной полуправды), телевидение и некоторые газеты Кузбасса стали работать в режиме свободы слова.
- Именно из Кузбасса стал распространяться антикоммунизм как факт массового сознания. Хотя до весны 1990 г. он был уделом лишь одиночек и воспринимался в народе как враждебное явление.
- Пока советский менеджмент видел экономическую реформу в рамках “ускорения” развития государственной собственности, лидеры рабочего движения поставили перед правительством вопрос об отказе от государственного социализма, выдвинув концепцию рыночной экономики на основе частной собственности (январь 1990 г).
- Пока профсоюзные деятели СССР лихорадочно и безуспешно пытались приспособить “госпрофсоюзы” под защиту интересов наемного работника, рабочие комитеты Кузбасса исключительно

эффективно контролировали деятельность как администраций предприятий, так и властных структур.

- Под влиянием лидеров рабочих комитетов Кузбасса шахтеры Советского Союза создали первый в стране независимый от КПСС и государства профсоюз.
- Шахтёры Кузбасса организовали массовую политическую стачку (июль 1990 г.). Весенняя 1991 г. всесоюзная отраслевая шахтёрская политическая забастовка стала катализатором политических процессов во всем СССР. Последовал августовский 1991 г. путч, организованный консервативными кругами страны.
- Фракция рабочих комитетов в Кемеровском областном Совете народных депутатов (Демблок) в ходе августовских событий первая в СССР обратилась в Верховный Совет с законодательной инициативой о приостановке деятельности КПСС.

С 1993-94 гг. по ряду объективных и субъективных причин стал происходить спад и вырождение демократического рабочего движения Кузбасса с его былой направленностью не столько за экономические требования, сколько за права человека. Потеряв связь с трудовыми коллективами, рабочие комитеты утратили свои весомые позиции в обществе. На местных и республиканских выборах 1994- 1997 гг. проявилась склонность избирателей к восстановлению отживших антидемократических систем управления обществом. Уровень гражданской активности кузбассовцев (как и всех россиян) молодого и среднего возраста стал крайне низким и резко отличался от периода 1989-1992 гг.

Объективное изучение этого исторического процесса помогает понять не только глубину социального кризиса, сформировавшегося в советском обществе к 80-м гг., но и масштабы, специфику сложностей, которые переживала Россия на пути к гражданскому обществу. Не только понять, но и определить направления конкретных действий по более успешному реформированию страны. В семи отдельных изданиях, а также десятках статей, докладов и пр. общим объёмом около 120 п.л. (без учета публикаций в средствах массовой информации), посвященных рабочему движению, диссертант пытался раскрыть данную проблему.

ЦЕЛЬ И ЗАДАЧИ ПРОВЕДЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ.

Цель – определить место и роль рабочего движения в реформировании экономической и политической системы Советского

Союза (России) в 80-90-е гг. Исходя из этого были определены следующие научно-исследовательские **задачи**:

- На примере одного из самых развитых промышленных регионов СССР показать истоки и глубину экономического, социального и политического кризиса 80-х годов, сделавшего неизбежным реформирование страны.
- Определить основные периоды и этапы рабочего движения.
- Проследить эволюцию требований рабочих комитетов, как свидетельство качественных изменений, происходивших в советском (российском) обществе в целом и сознании людей в частности.
- Изучить изменение тактики рабочих комитетов с одной стороны, властных структур страны и Кузбасса – с другой.
- Выявить объективные и субъективные причины слабой реализации демократических институтов как в Кузбассе, так и в стране в целом.
- Рассмотреть первые итоги социального, политического и экономического реформирования в России.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА ИССЛЕДОВАНИЯ И ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА.

В российской историографии 90-х гг. не принято указывать на произведения К.Маркса, Ф.Энгельса в качестве теоретической базы исследования. Но в данной работе это было не так. Без знания марксистской концепции социального освобождения пролетариата и модели социалистического (коммунистического) общества невозможно понять природу рабочего движения в СССР конца 80-х гг. Точно так же, как без понимания глубины произведений В.И.Ленина – классика рабочего движения России (определившего соотношение стихийности и сознательности в рабочем движении, тактику компромиссов и соглашений и др.), трудно разобраться в причинах кризиса рабочего движения в 90-е гг., в обстоятельствах резкого снижения его влияния на местную и столичную власть.

В качестве теоретических были также использованы работы Э.Бернштейна и К.Каутского как теоретических основоположников современной западной социал-демократии. Реализуя “оппортунистическую” тактику “Движение всё, конечная цель – ничто!”, социал-демократы Германии, Франции, Швеции, Австрии и др. добились при капитализме такого уровня социальных гарантий и обеспечения материальными благами народа

своих стран, что они оказались качественно несопоставимы с соответствующими “завоеваниями” в социалистических странах.

При исследовании проблемы нельзя было игнорировать произведения основателя русской социал-демократии Г.В.Плеханова, предупреждения которого о тяжелых последствиях большевистского игнорирования объективных условий для построения социализма сбылись. В этом же ключе использовались произведения Н.А. Бердяева и И.А.Ильина. В понимании особенностей поведения забастовщиков, избирателей и др. в конкретных исторических ситуациях огромное значение имели работы В.Райха, Э.Фрома, Л. фон Мизеса, С.Московичи – специалистов по психологии масс. Для понимания сущности демократии как свободы, ограниченной несвободой другого, для выяснения причин слабой реализации в России черт гражданского общества большое значение имели работы К.Поппера. Это всё – классики общественной мысли мирового уровня, произведения которых (за исключением, разумеется, Маркса, Энгельса, Ленина) советскими историками в основном либо игнорировались, либо использовались в качестве объекта критики за “ревизионизм”, “оппортунизм”, “проповедь буржуазной идеологии”.

В качестве источников были приняты прежде всего документы рабочих (забастовочных) комитетов (областного, городских, шахтовых), “Союза трудящихся Кузбасса”, Независимого профсоюза горняков, “государственных” профсоюзов: фонограммы заседаний, конференций и съездов, доклады, отчеты, решения, требования, заявления, обращения, телеграммы, телефонограммы, письма и т.п. По ним прослеживалась объективная картина эволюции рабочего движения – от простейших экономических требований до требований радикальных сначала экономических, потом политических реформ. Затем в рабочем движении произошла обратная трансформация требований: от принципиально политических – до простейших.

К числу источников отнесены, разумеется, и документы партийных (не только КПСС) структур, органов представительной и исполнительной власти. По протоколам и решениям бюро и исполкомов партий (особенно КПСС), стенограммам сессий Советов народных депутатов, областного Законодательного собрания, решениям исполкомов Советов (областной и городских администраций), справкам, отчетам, письмам и др. можно было судить о реакции власти имущих на нестандартные для СССР события, об удачных и неудачных попытках немногочисленных демократов Кузбасса направить развитие событий в сторону реформ, склонить людей к формированию гражданского общества. В этих документах хранятся важные

сведения о социально-экономической обстановке. По ним можно судить о судьбе реформ в регионе. Эти документы хранятся в Государственном архиве Кемеровской области (ГАКО) в фондах № 15, 26, 74, 75, 110, 127, 157, 496, 1191, 1430, Государственных архивах городов Кузбасса, текущих архивах органов исполнительной власти.

Изучение социально-экономической обстановки в постсоциалистическое время, казалось бы, облегчалось достаточно большим набором статистических сборников по Кузбассу.¹ Однако их составители часто не учитывали фактора инфляции и давали данные в денежном выражении, что серьезно затрудняло установление даже направления динамики экономических и социальных процессов. Этот недостаток был компенсирован в ходе изучения текущего архива Администрации Кемеровской области. Были использованы материалы, которые составлялись менеджерами для внутреннего использования, для принятия деловых управленческих решений: статистические таблицы, аналитические записки, информационные сообщения и письма отделов и управлений. В изучении ситуации неоценимое значение сыграло деловое общение с губернатором Кузбасса (М.Б.Кислюком), его заместителями, начальниками управлений, мэрами городов Кемерово, Березовского, Киселевска и др.

Материалы периодической печати традиционно принято относить к источникам. В данном случае без внимания не остался ни один из номеров периодического издания рабочего движения Кузбасса “Нашей газеты”. За отдельные периоды изучены номера центральных газет: “Известия”, “Правда”, “Труд”, “Российская газета”, “Коммерсант”; областных: “Кузбасс”, “Комсомолец Кузбасса” (Кузнецкий край), “Явь”; городских газет: “Борьба за уголь”, “В бой за уголь”, “Знамя шахтёра”, “Кузнецкий рабочий”, “Шахтёрская правда”. Разумеется, не все публикации принимались “на веру”. Учитывалось не только то, в какой именно газете публиковались сведения, но и то, какой характер публикации носили. Скажем, если это было постановление, обращение, заявление и пр., то на издание, в котором оно помещено, внимания не обращалось. Когда же встречалась заметка или статья, то непременно учитывался характер газеты и имя автора. Не всем газетам и

¹ Кузбасс - 93. Экономико-статистический сборник. Кемерово: 1994; Основные показатели экономики городов и районов Кемеровской области. Январь - август 1994 г. Кемерово: май 1995; Показатели экономического и социального развития Кемеровской области. Статистический бюллетень. Январь - апрель 1995 г. Кемерово: май 1995; Промышленность. Статистический бюллетень за февраль 1996 г. (Для служебного пользования). Кемерово: март 1996; Реформа. Статистический бюллетень. 1995; Социально - экономическое положение Кемеровской области. Январь - сентябрь 1995 г. Кемерово: 1995; Социально-экономическое положение Кемеровской области. 1995 год. Кемерово: 1996; Социально-экономическое положение Кемеровской области. Январь 1996 г. Кемерово: 1996.

тем более авторам приходилось доверять. Не могла, например, не настораживать идеологическая однолинейность газет “Правда”, “Советская Россия”, “Труд” “Кузбасс”. Нельзя было не учитывать того, что “Наша” газета”, отчасти “Знамя шахтёра”, “Кузнецкий рабочий”, “Шахтёрская правда” уже в конце 1989 г. работали в режиме свободы слова, стараясь не допускать вмешательства органов КПСС в свои дела.

НАУЧНАЯ НОВИЗНА проведенных исследований заключается в том, что прямых аналогов эта работа ни по содержанию, ни по форме не имеет. В них показано вызревание объективных и субъективных причин для массового протеста в СССР в 80-е годы (России - в 90-е годы). Опубликованные работы являются первым, а в какой-то части и единственным комплексным исследованием, в которых исследована история формирования легитимных структур, разрушивших монополию КПСС на общественную деятельность и история обретения подлинной свободы слова. Показано перерастание стихийной экономической стачки 1989 г. в широкое общественно-политическое движение за права человека. Изучено постепенное перерождение в 90-е гг. рабочего движения и потеря им демократических ориентиров. Раскрыт процесс постепенной утраты шанса относительно безболезненного реформирования страны в 1989-1991 гг. Проанализирована пассивная позиция интеллигенции, как одного из главных факторов резкого замедления продвижения России к гражданскому обществу. Исследован невысокий уровень реализации принципов демократии в 90-е гг. (законность, свобода выбора, ответственность за свой выбор и др.). Показаны социально-культурные, политические и психологические причины невысокого уровня реализации идей либерализма в современной России.

Задача исторической науки состоит в обнаружении связей, поиске причин, установлении следствий, выявлении корреляции общественных процессов. В нестабильном обществе, каковым являлось российское в 80-90-е гг., когда, фигурально выражаясь, шли геологические процессы, поднимались новые социальные материи, образовывались новые социальные океаны, у исторической науки на первый план выдвинулась задача сбора, введения в научный оборот и первичная систематизация гигантского массива только что возникших фактов. Создание условий, при которых факты становятся достоянием научного знания, есть такая же, а может быть, и более важная задача, чем их анализ. В особенности это касается тех процессов, где факты массовидны, где требуется специальная работа, чтобы выявить наиболее характерные из них, отразивших суть исторического явления.

Вот почему в качестве первоочередной автор поставил задачу создания основательной источниковой базы не только для себя, но и для любого человека (даже не специалиста), заинтересовавшегося этой проблемой. В 1993 г. при сотрудничестве с учеными Москвы и Кемерова была опубликована массовым тиражом (10 тыс.) объемная книга (622 с.) документов и материалов (535 наименований) рабочего движения Кузбасса. По существу книга может считаться документальной летописью рабочего движения периода февраля 1989 г. – марта 1992 г. и становления демократии в России. По ней любой читатель (даже не историк) без труда может произвести подлинную реконструкцию событий развития демократических процессов не только в Кузбассе, но и во всей стране. Работа с этой книгой облегчается подробным предисловием, характеризующем развитие рабочего движения в СССР, примечаниями и комментариями к документам, именному указателю (более 850 имен), а также высокопрофессиональными фотографиями (65 шт.) Д.А.Коробейникова.²

При подготовке сборника были исследованы все без исключения документы Совета рабочих комитетов Кузбасса, находившиеся в его текущем архиве, а затем переданы на хранение в государственный архив. Изучены почти все документы городских рабочих комитетов: Анжеро-Судженского, Березовского, Беловского, Киселевского, Новокузнецкого, Прокопьевского, Юргинского. В сборник вошли и документы партийных (КПСС) органов, полученных в распоряжение рабочих комитетов в основном оперативным путем. Разумеется, в публикации представлены не все документы рабочего движения Кузбасса (особенно городских и шахтовых комитетов) в том числе и потому, что на ранних его этапах не было обеспечено такое “скучное дело”, каким является делопроизводство. В марте 1990 г. Совет рабочих комитетов принял специальное решение о сохранности документов и поручил автору настоящего доклада подготовить их к публикации.

Российскому историку, сформировавшемуся в условиях специфической практики документального языка (написано одно, понимай – другое), психологии вынужденного двоемыслия, привычки к идеологическому саморедактированию, важно сочетать документальный письменный материал с материалом устного источника (“oral history” – “устная история”). Вот почему при исследовании проблемы были опубликованы не только крупная источниковая база, но и углубленные интервью с 35 активными участниками

² Рабочее движение Кузбасса. Документы и материалы. Составитель Л.Н.Лопатин. Редакционная коллегия Л.А.Гордон, Э.В.Клопов, Л.Н.Лопатин (отв. редактор). Кемерово: 1993, 623 с.

событий (617 с.).³ В течение нескольких лет к беседам приглашались как лидеры рабочего движения и поддерживавшие их тогда специалисты, так и наиболее значимые оппоненты в лице бывших партийных, советских и хозяйственных руководителей. Им задавались десятки вопросов, на которые те охотно и подробно отвечали. Получились своеобразные мемуары, осветившие в основном три проблемы: 1) состояние советского общества накануне рабочего движения; 2) содержание деятельности рабочих комитетов; 3) проблемы реформируемого общества. Воспоминания участников событий, сопровождаемые ссылками на документы, превратили их в полновесный исторический источник. После выхода книги, работа над мемуарами продолжена на уровне бесед с людьми из тогдашнего высшего руководства страны.

К числу источников познания сущности советского общества следует отнести материалы опубликованных бесед с 53 кузбассовцами старшего поколения (рождения 1908-1934 гг.). После публикации накоплен материал ещё 1318 бесед, в том числе в аудио- и видеозаписях (готовится к изданию отдельной книгой). Материалы показывают сложность и многообразие психологического восприятия людьми советской действительности, так не похожего на пропагандируемый долгие годы стандарт.⁴ Без такого источника трудно воспринять колорит эпохи, понять то, что составляет субъективную сторону любого социального процесса.

Создавая источниковую базу, диссертант проанализировал историю рабочего движения Кузбасса “романтического” периода, опубликовав монографию в 1995 г. (304 с.). Анализ рабочего движения России (Кузбасса) периода 80-90-х годов дан в заключительном очерке книги воспоминаний.⁵

Читательскому восприятию событий в Кузбассе поможет сборник аналитических статей и выступлений автора, публиковавшихся в средствах массовой информации в период 1988-1995 гг. Снабженная ссылками на документальные источники, примечаниями, эта книга позволяет не только обнаружить многие детали событий тех лет, но и в

³ Л.Н.Лопатин. Рабочее движение Кузбасса в воспоминаниях его участников и очевидцев. М.: 1998. 613 с.(500 экз.)

⁴ Л.Н.Лопатин, Н.Л.Лопатина. Социализм глазами современников. Кемерово: 1996. 32 с.; Л.Н.Лопатин, М.И.Агибалова и др. Воспоминания кузбассовцев старшего поколения как средство формирования исторического сознания студентов. // 55 лет Кемеровской области. Кемерово: 1998. С. 232-238.

⁵ Л.Н.Лопатин. История рабочего движения Кузбасса (1989 - 1991 гг.). Кемерово: 1995. 304 с. (1600 экз.). Л.Н.Лопатин. Заключительный очерк (Историография вопроса. Предпосылки рабочего движения. Содержание основных этапов. Эволюция требований и тактики. Почему демократия не утвердилась? О значении рабочего движения Кузбасса) //Рабочее движение Кузбасса в воспоминаниях его участников и очевидцев. С.549-617.

качестве типичной проследить трансформацию научных и политических взглядов отдельно взятого советского человека второй половины 80-х – 90-х гг.⁶ Ряд работ, изданных массовым тиражом (две из них – по 40 тыс. экз., одна – 10 тыс.), позволяют лучше понять, что не политика “перестройки”, а системный кризис социалистического общества стал главной причиной социального взрыва конца 80-х гг. и трудностей реформ 90-х гг.⁷

В этом суть научной новизны как по содержанию, так и по форме. При освещении крупных проблем, близко отстоящих от историка по времени, видимо, только такое сочетание методов исследования (источниковедение, устная история, авторский анализ) может быть принято в качестве наиболее достоверного и научно корректного. Такой комплексный подход обеспечивает не только как бы голографическую объемность освещаемого явления, но и, можно надеяться, высокую степень объективности, непредвзятости, исключает политическую и идеологическую ангажированность автора, конъюнктурность исследования.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ, АПРОБАЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование позволяет полноценно представить содержание и специфику общественного движения России в 80-90-е гг. Изучение истории рабочего движения имеет не только познавательное, но и практическое значение. Опыт исключительно эффективной борьбы рабочих комитетов Кузбасса по отстаиванию прав человека, возможно, побудит людей к организации общественных структур самозащиты, подъёму их гражданской активности, дистанционированию от общественных формирований и политических деятелей радикальной ориентации. Необходимость проведения аналитических исследований и публикация некоторых из них массовым тиражом усиливалась также и тем, что в Кузбассе (как и в России в целом) в известном смысле отсутствовала информация о позитивных результатах реформационных процессов. В совокупности с известными социальными трудностями, вызванными реформами, искаженное представление о

⁶ Л.Н.Лопатин. Путь от коммунизма. Как это было...? Кемерово: 1996. 258 с.

⁷ Л.Н.Лопатин. Кузбассовцы при социализме. Кемерово, 1996. 48 с.; его же, Кузбассовцы в годы реформ. Кемерово: 1996, 64 с.; Л.Н.Лопатин, Н.Л.Лопатина. Социализм глазами современников. Кемерово: 1996. 32 с.

социализме, об истории рабочего (демократического) движения, может быть ложно интерпретировано как в научном, так и практическом плане.

Основные положения докладывались на научных конференциях: Кемерове (1992, 1993, 1995, 1997, 1998 гг.); Новосибирске (1991 г.); Томске (1993, 1998 гг.); Гонолулу (США, 1993 г.); Новокузнецке (1992 г. – международный семинар ФРГ – Россия), а также на заседаниях Совета рабочих комитетов Кузбасса (1989-1992 гг.), сессиях Кемеровского областного Совета народных депутатов (1990-1993 гг.). С 14 января по 11 июля 1999 г. под научным руководством диссертанта идёт научно-практическая конференция “10 лет возрождения рабочего движения России” (<http://www.center.kemsu.ru>). Ряд авторских разработок лег в основу программных и уставных положений общественных структур СССР (см. список основных публикаций). Некоторые практические предложения, высказанные на научных конференциях, в средствах массовой информации и пр. вызвали публичные дискуссии на страницах газет, радио и телевидении, сессиях Кемеровского областного Совета народных депутатов, пленумах и конференциях КПСС, заседаниях рабочих комитетов и др: 1988, 1989 гг. – о результатах строительства социализма; 1990, 1991 гг. – о путях радикального реформирования КПСС, курсе экономических реформ, роли КГБ в советском обществе, месте интеллигенции в демократических преобразованиях страны; 1992 – о временном моратории на забастовки; 1993, 1994 гг. – о забастовочной активности интеллигенции, Конституции РФ, кадровой политике Администрации Кемеровской области, о Советах народных депутатов и др.⁸

С работами диссертанта ознакомлена научная общественность. Книги рассылались по региональным и некоторым университетским библиотекам России, Украины, Белоруссии, США, Германии, Великобритании, Франции, Болгарии, Польши и др. Многие из них имеются в региональных российских архивах. Информация о них публиковалась в библиографических указателях ИНИОНа РАН, “Сибирском хронографе”. Ряд из них размещен в интернете (<http://www.center.kemsu.ru>). Материалы исследования используются в лекционных курсах вузов, работе краеведческих музеев. Данный научный доклад был обсужден на кафедре отечественной истории России Московского государственного университета гуманитарных наук.

⁸ Подробно об этом см. Л.Н.Лопатин. Путь от коммунизма...С.13-257.

КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И СОДЕРЖАНИЕ НАУЧНЫХ РАБОТ ПО ТЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В ходе изучения опыта и уроков рабочего движения России (на примере Кузбасса) в 80-90-е гг. автором опубликованы десятки работ. Пять из них, как наиболее крупные и важные (общим объёмом 119 п.л.), реферируются в данном докладе: “Рабочее движение Кузбасса. Документы и материалы 1989-1992 гг.” (1993 г.); “История рабочего движения Кузбасса” (1995 г.); “Путь от коммунизма... Как это было?” (1996 г.), “Кузбассовцы в годы реформ” (1996 г.), “Рабочее движение Кузбасса в воспоминаниях его участников и очевидцев” (1998 г.).

Методология и историография проблемы.

При исследовании был применен синтез формационного и цивилизационного подходов. Это позволило более оптимально изучить советское общество с его неэффективным хозяйственным и политическим механизмом, системой экономического и внеэкономического принуждения граждан, как объективной причины возрождения рабочего движения. Без этого синтеза, видимо, невозможно понять роль современного рабочего движения в реформировании страны. Точно так же, как и понять многообразие проблем постсоциалистического общества с его экономическими и социальными трудностями, обусловленными радикальной ломкой устоявшихся более чем за 70 лет социально-экономических и культурных структур.

Считать, что этот синтез подходов стал достоянием российской историографии только в постсоциалистическое время, было бы неосмотрительно. Конечно, большинство советских авторов изучали проблемы, не выходя за рамки идеологических постулатов ЦК партии. К этому их вынуждали правила, несоответствие которым закрывало дорогу в науку (не только по общественным дисциплинам). Но и тогда были ученые, которые, не провозглашая себя сторонниками А.Тойнби, писали свои труды в соответствии с его цивилизационной парадигмой. Во всяком случае, они жестко не следовали признанным догматически-марксистским концепциям. К числу таковых, например, следует отнести работы В.С.Лельчука, который ещё в 70-80-е гг. исследовал историю индустриализации не как историю создания отраслей тяжелой промышленности (это был общепринятый стандарт), а как истории тяжелой промышленности для переоснащения всего народного хозяйства на базе новой техники и её влияния на судьбу общества. Это вполне соответствует цивилизационному подходу, согласно которому в социуме следует искать “счастливое сочетание” материального (индустриализма) и

духовного (национализма). В значительной степени от такой же методологии можно говорить применительно к трудам специалиста по истории культурных преобразований В.Л.Соскина, исследованиям истории рабочего класса О.И.Величко, И.Е.Ворожейкина, А.В.Московского и др.

Внутренняя критичность в отношении к господствовавшей тогда методологии, позволила многим российским специалистам в числе первых поновому взглянуть на устоявшиеся стереотипы в характеристике советского общества. Среди них следует отметить работы Ю.Н.Афанасьева, А.С.Ахиезера, А.П.Бутенко, Л.А.Гордона, А.А.Данилова, Э.В.Клопова, О.Р.Лациса, Ю.А.Полякова, Г.Х.Попова, В.И.Селюнина, Л.И.Семенниковой, Н.П.Шмелева и др. 1987-1991 гг. были периодом бурного всплеска выхода добротной исторической литературы. Хотя, надо признать, тогда в стране ещё не было подлинной свободы слова. Знакомство с этой литературой облегчило изучение истории рабочего движения с позиций принципов историзма и объективности, исходящих из приоритета фактов, документальных и устных свидетельств, отказе от идеологических догм и политических предубеждений. Помогло использовать такие методы как сравнительно-исторический, проблемно-хронологический и др., критически отнестись к источникам и литературе.

В 1989-1991 гг. в СССР не было, видимо, ни одного периодического издания, не пытавшегося писать о рабочем движении. Обращаться к тем журналистским публикациям исследователю необходимо. Но при этом историку нельзя игнорировать того факта, что средства массовой информации находились под контролем партийных органов. А это значит, что публиковавшиеся материалы проходили предварительную цензуру, оценивались с позиции идеологической целесообразности и политической выверенности “курсу партии”. Очень многие из публикаций поэтому были откровенно “заказными” и нацелены на выполнение политических задач. К числу таких относились публикации, в которых популяризировалось мнение о рабочем движении страны (особенно Кузбасса) как главном факторе ухудшения снабжения населения СССР продовольствием в 1989-1991 гг., распространялись сведения, порочащие личное достоинство лидеров рабочего движения, пропагандировался тезис о “руке Вашингтона, Парижа” и пр.

Первое документальное описание июльской забастовки шахтеров угольных регионов СССР было сделано А.Т.Гавриловым и Н.И.Лавровым. Их небольшая книга содержит полезный материал. Однако авторы, видимо, были вынуждены считаться, что по цензурным соображениям не могут публиковать все документы. Поэтому их сборник не вышел за рамки стандартных произведений советской

историографии, претендующих на научность, но сделанных с нескрываемым апологетическим аспектом существовавшего политического режима.⁹ Не избежал подобных особенностей, характерных для историко-партийных исследований, и В.П.Машковский, опубликовавший в 1991 г. монографию по истории угольной промышленности страны. Очень слабое знание документов рабочего движения определило некоторые его обобщения на уровне бытовавших тогда умозрительных заключений представителей партийной номенклатуры.¹⁰

Первое объективное изложение июльских событий в Кузбассе дано в книге журналиста В.В.Костюковского.¹¹ Приоритет же научного осмысления рабочего движения Кузбасса, Донбасса, Караганды, Воркуты и др. несомненно принадлежит межрегиональной творческой группе Л.А.Гордона, которая специально занялась изучением этого исторического явления.¹² Весьма содержательным, например, является документально-исторический очерк о рабочем движении России И.Г.Шаблинского. Несмотря на то, что автор юрист и много внимания уделяет специфическим правовым проблемам, тем не менее делает очень интересные исторические и политологические обобщения, вводит в научный оборот значительное число документальных материалов по истории рабочего движения России в целом.¹³

Отличительной чертой работ авторов этого межрегионального творческого коллектива стало комплексное историческое, политологическое и социологическое исследование проблем рабочего и профсоюзного движения. При сотрудничестве с этим коллективом

⁹ Забастовка: вынужденная мера защиты законных прав, но тот ли это путь? (Сост. А.Т.Гаврилов, Н.И.Лавров). М.: 1989. 176 с.

¹⁰ В.П.Машковский. Осуществление научно-технической политики в угольной промышленности страны в 60-80-е гг.: опыт и уроки. Томск, 1991. 290 с.

¹¹ В.В.Костюковский. Кузбасс. Жаркое лето 89-го. М.: 1990. 161с.

¹² Л.А.Гордон, Э.В.Клопов, Л.Н.Лопатин. Рабочее движение в начале последсоциалистического развития. Вводный очерк // Рабочее движение Кузбасса. Документы и материалы. С. 4-38; Л.А.Гордон. Очерки рабочего движения в послесоциалистической России. Субъективные наблюдения, соединенные с попыткой объективного анализа промежуточных исследований. М.,1993; Л.Гордон, Е.Груздева, В.Комаровский. Шахтёры — 92. Социальное сознание и социальный облик рабочей элиты в послесоциалистической России. Прогресс-Комплекс Экспресс. М., 1993; Л.Гордон. Профсоюзы. Надежда или угроза. М.,1995; его же, Положение наемных работников в России 90-х годов. Социально-трудовые исследования. Вып.7., ИМЭМО РАН. М., 1997; Российские преобразования на фоне мировых трансформаций и положение наёмных работников. Социально-трудовые исследования. Вып.11, ИМЭМО РАН. М.: 1998 и др.

¹³ И.Г.Шаблинский. Рабочее движение и российская реформа. Документально-аналитический очерк. М.: 1995, 315 с.

издавались и работы, представленные в данном диссертационном докладе.

Историографической особенностью представляемых работ является, во-первых, единственное в своем роде детальное освещение истории рабочего движения Кузбасса как опорной базы нарождающейся российской (всесоюзной) демократии; во-вторых, разножанровость научных публикаций, освещающих конкретное историческое явление: документалистика, мемуары, исторический анализ.

Поскольку рабочее движение с первых минут своего возрождения затронуло основы социалистической системы, постольку изучение этой проблематики до сих пор имеет оттенок идеологического осуждения. Это характерно для упомянутой работы В.П.Машковского. Это отчасти обнаружилось и в работе Г.С.Некрасовой.¹⁴ Томские историки (В.П.Андреев с учениками), показав (1998 г.) весьма смутное представление о процессах, происходивших в рабочем движении Кузбасса, пытались выдать частности за крупные явления, прибегли к минимизированным оценкам как рабочего движения Кузбасса в целом, так и его лидеров, в особенности. Они, в частности, утверждали, что будто бы “забастовки 1989 г. начинались там, где большинство трудовых коллективов составляли непотомственные пролетарии”.¹⁵ В намёке на социальную ущербность людей из “непотомственных пролетариев” проявился отнюдь не научный синдром из практики 20-40-х годов. К тому же авторы почему-то игнорировали тот факт, что Междуреченский и Осинниковский рудники, где началась забастовка, были созданы ещё в 50-е годы. И забастовщики, таким образом, никак не могли быть “рабочими в первом поколении”. Как минимум – во втором.¹⁶

Несмотря на очевидную значимость рабочего движения, в частности, Кузбасса, это историческое событие не привлекает должного внимания ученых. Они готовы отдать приоритет начала радикализации реформ в СССР чему угодно (выборной кампании 1989 г., августовскому путчу 1991 г. и др.), но только не рабочему движению Кузбасса, Донбасса, Воркуты, Караганды. Так, в работах В.В.Согрина,

¹⁴ Г.С.Некрасова. Социально-политическая активность шахтеров // Угольная промышленность Кузбасса. 1721 - 1996. Кемерово: 1997. С. 201 - 217.

¹⁵ В.П.Андреев, С.В.Соболевский. Кузбасс в начале 90-х годов; Д.В.Воронин. О некоторых вопросах оценки рабочего движения в Кузбассе // 55 лет Кемеровской области. Кемерово: 1998. С. 225 - 232.

¹⁶ См. об этом результаты социологических исследований шахтёров Кузбасса у П.В.Бизюкова (Наша газета. – 1991 – 26 марта) и А.Н.Олейника (Полис. – 1997 – № 1. С.70-79).

А.В.Шубина,¹⁷ специально посвященных российским реформам, о рабочем движении фактически ничего не сказано. Не нашлось этой теме места и на таком солидном симпозиуме известных историков, экономистов и политологов, каким является “Круглый стол” в Институте российской истории РАН. Тем более, что это ученое собрание специально рассматривало тему: “Куда идёт Россия? 10 лет реформ”.¹⁸ Не заинтересовала проблема рабочего движения и философов, проводших в 1992 и 1993 гг. “круглые столы” с обсуждением проблем постсоциалистической России.¹⁹

Интересное описание истории июльских 1989 г. дней в Донбассе даёт начинающий украинский историк А.Н.Русначенко.²⁰ Однако автору не удалось показать, что это была отраслевая, а не просто донбасская забастовка. И не то важно, что Донбасс забастовал лишь через четыре-пять дней после Кузбасса, а то, что в 1989 г. напряжение в обществе было настолько сильным, что прорыв в одном регионе (не имеет большого значения в каком) неизбежно вызвал цепную реакцию по всему Советскому Союзу. Всего за неделю шахтёрам разных регионов страны удалось скоординировать свои действия. И это несмотря на сопротивление со стороны партийных органов, КГБ. В истории движения те дни были самыми напряженными и принципиально значимыми, так как тогда ещё не был исключен традиционный для СССР силовой вариант разрешения социальных конфликтов. Отсутствие стандартной силовой реакции советских руководителей на проявление массового недовольства (Венгрия 1956 г., Новочеркасск 1962 г., Чехословакия 1968 г. и др.) мировая общественность справедливо расценила как системный кризис режима, существовавшего в России с 1917 г.

Видимо, следует считать показательным в основном замалчивание истории рабочего движения Кузбасса (как и Донбасса, Воркуты, Каарганды) в учебниках по истории России, изданных российскими авторами в 90-е годы. Французский историк Н.Верт – один из немногих,

¹⁷ В.В.Согрин. Политическая история современной России, 1985-1994. От Горбачева до Ельцина. М., 1994; его же, 1985-1995: Реалии и утопии новой России // Отечественная история. 1995. № 2; Шубин А.В. Социальная структура СССР в канун перестройки // Общественные науки. 1997. № 4.

¹⁸ Отечественная история. 1995. № 4. С.198-210.

¹⁹ Бюрократия, авторитаризм и будущее демократии в России // Вопросы философии. 1993. № 1. С.3-32; Российская модернизация: проблемы и перспективы // Вопросы философии. 1993. № 7. С.3-39.

²⁰ А.Н.Русначенко. Стачка шахтёров на Украине в июле 1989 г. // Отечественная история. 1993. № 1. С. 66-77.

кто нашёл возможность хотя бы в восьми строчках упомянуть о рабочем движении. Да и то не в связи с 1989 г., когда под влиянием июльской забастовки кузбасских шахтёров произошёл перелом в демократическом движении СССР и всего социалистического лагеря, а с 1991 г. (причем как движения в поддержку московских реформаторов). При этом была допущена существенная ошибка о весенней 1991 г. забастовке будто бы “уже не только за увеличение заработной платы..., но и отставки М.Горбачева”.²¹ Тогда события складывались таким образом, что в отраслевой забастовке шахтёры не выдвинули ни одного экономического требования. (Это партийные органы провоцировали шахтёров на требование двух-трехкратного увеличения заработной платы.)

Теме “рабочее движение” не нашлось места в воспоминаниях М.С.Горбачева, для которого закат политической карьеры во многом связан именно с ним. Даже Б.Н.Ельцин, демократическая судьба которого состоялась во многом благодаря рабочему движению (Кузбасса прежде всего), в своих мемуарах нашёл возможным сказать об этом явлении только в трех предложениях, из которых можно понять, что оно будто бы развивалось по мановению его руки.²²

Ничего удивительного в том, что в рабочем движении не видят рубежного пункта демократического преобразования СССР и других социалистических стран и иностранные авторы.²³ В частности, Дж. Хоскинг (Лондон) считает, что “поворотным пунктом стала избирательная кампании 1989 года”. Правда, в отличие от российских историков, он признал, что “мощной силой становится забастовочное движение”.²⁴

Весьма показательно, что зарубежные историки и политологи, неоднократно бывавшие в Кузбассе и работавшие с архивами рабочих комитетов, использовавшие опубликованные документы, высказываются весьма уважительно как о самом рабочем движении Кузбасса в целом, так и о его лидерах в частности. К их числу относятся известный исследователь российской истории из Пристонского

²¹ Н.Верг. История советского государства. (Второе исправленное издание). Перевод с франц. М.: 1998. С. 523.

²² Борис Ельцин. Записки Президента. М.: 1994. С.43.

²³ Developments in Soviet and post - Soviet politiss. L.: Makmilan, 1992. — XV11. 344 p.; Global economicand techological chande. Wash.: Gov. print off, 1994. 144 p.; Rau L.I. Social theory and the crisis of state socialism cheltenhami Brookfield: Elgar, 1966. — X11, 288 p

²⁴ Hosking G. The Awakening of the Soviet Union. 246 p. L., Mandarin Paperbook. 1991.

(Пробуждение Советского Союза. Лондон, 1991.) (Отечественная история. 1994. № 4-5. С. 275-276).

университета С.Коткин, а также С.Кроуэл – докторант из Колумбийского университета, диссертация которого посвящена политологическим проблемам рабочего движения Кузбасса и Воркуты.²⁵

Историографический обзор, таким образом, показывает важность изучения рабочего движения Кузбасса, исследование его в контексте истории не только отдельно взятого региона, но истории советского и постсоциалистического общества в целом. Представляемые в докладе работы, видимо, могут быть приняты и как материал к теории посткоммунизма, разработка которой по сути только начинается.

Системный кризис социализма как причина взрыва общественно-политической активности шахтёров Кузбасса.

В качестве объективной причины возрождения общественно-политической активности советских граждан автором раскрывается сущность тех изменений в обществе в целом и человеке в особенности, которые произошли в годы социализма.²⁶

Имея в виду мировой опыт социалистического строительства (СССР, Кубы, Албании, Северной Кореи, Румынии и др.), целесообразно считать, что иных результатов невозможно достичь при реализации марксистского учения о социализме: отмирании государства, отмены “буржуазного” права и установлении диктатуры пролетариата, создании общества без частной собственности и товарно-денежных отношений.

Поэтому вряд ли можно считать удачным отнесение причин становления тоталитаризма в постреволюционное время к историческим особенностям России или, как сделал Э.Фром, к “фантастической лжи Сталина”.²⁷

Установление тоталитаризма и формирование административно-командной системы стали естественным следствием реализации идей социализма в их марксистско-ленинско-сталинском варианте. Компенсация “отмененных” естественных экономических регуляторов (закона стоимости) вызвала необходимость установления политико-административных регуляторов в виде партийных директив, за невыполнение которых руководители подвергались жестким наказаниям (вплоть до физического уничтожения).

²⁵ См. American Association for the Advancement of Slavic Studies. 25 th National Convention. Honolulu, November 19-22, 1993. Kotkin, Stephen, s. 117; Crowley, Stephen, s. 114.

²⁶ См. Л.Н. Лопатин. История рабочего движения Кузбасса. С. 7-35; его же. Рабочее движение в воспоминаниях... С.554-559.

²⁷ Э.Фром. Концепция человека у К.Маркса. // Душа человека. М., 1992. С. 404.

Поглощение экономических регуляторов политическими и идеологическими неизбежно привело к возникновению затратного хозяйственного и политического механизма, исключило оценку управленческих решений с позиции эффективности. Это устранило подлинную политику, свело к волюнтаризму одних лиц и аполитичности других, создало тупик в экономической жизни и, как выразился председатель партийно-правительственной комиссии по урегулированию проблем июльской забастовки в Кузбассе, "...привело общество на грань краха."²⁸ Об этом весьма убедительно говорят .) в своих воспоминаниях ²⁹ сами кузбасские руководители (М.И.Найдов, А.А.Гребенников, А.Н.Геков, В.А.Лебедев, В.И.Овденко и др.).

Социализм (не только в СССР) не смог усвоить и реализовать современные технологические достижения, оказался не в состоянии выдержать конкуренции со своим главным противником – капитализмом. Это стало следствием того, что в рамках большевистской социалистической доктрины отрицанию подверглись рынок, частная собственность, право, свобода личности, демократия, гражданское общество, то есть то, что в совокупности составляет цивилизационную парадигму. В связи с игнорированием в течение десятилетий естественных экономических законов уровень развития социалистических производительных сил оказался ниже западного. В результате доля ручного труда, например, даже на полностью механизированных осинниковских шахтах Кузбасса оказалась исключительно высокой (до 80%), травматизм наивысочайшим.³⁰ Население подверглось комплексному воздействию токсических веществ, многократно превышающих предельно допустимую норму загрязнения воды, атмосферного воздуха (Кузбасс был признан в 1993 г. зоной экологического бедствия). Незначительная величина свободного рабочего времени, как следствие высокой эксплуатации человека государством, стала одной из причин непозволительно медленного развития культуры. В Кузбассе, в частности, только 7 чел. из 100 имели высшее образование. Результатом социалистической модели (не

²⁸. Выступление члена Политбюро ЦК КПСС Н.Н.Слюнькова (на партийно-хозяйственном активе в июле 1989 г. в г. Ленинске-Кузнецком. цит. по кн. Л.Н.Лопатин. История рабочего движения Кузбасса. С.9.

²⁹ См. Л.Н.Лопатин. Рабочее движение в воспоминаниях... С.370-392, 423-435, 468-523.

³⁰ Л.Н.Лопатин. История рабочего движения Кузбасса. С.21-22; В.М. Ивойлов. Медико-санитарные проблемы травматизма шахтёров Кузбасса и пути их решения. Автореферат ... доктора медицинских наук. М., 1997. С.8-22.

обязательно советской) стало объективное противопоставление социальных интересов наемного труда (до 90% занятых в народном хозяйстве) интересам верхов партийно-государственного аппарата. Идея мировой социалистической революции, за которую боролась коммунистическая партия, превратив Россию в её материальную базу и сделав её население бедным, противоречила как отдельной личности, так и нации в целом. Объективный социальный интерес почти всего советского народа (социалистических стран) состоял в том, чтобы покончить с государственно-монополистическим социализмом, с практикой подчинения национальных интересов “интернациональным”, “классовым”.

Массовое рабочее движение стало возможным в конце 80-х гг. в связи с рядом объективных обстоятельств.

- В 60-80-е гг. произошло относительное ослабление карательных функций государственных органов.
- В годы перестройки руководители КПСС допустили многообразие: экономическое (закон о предприятиях 1987 г.), политическое (альтернативные выборы депутатов СССР весной 1989 г.) и даже отчасти идеологическое. В результате была разрушена стройность тоталитарной системы как целостного организма, разрушена система социалистических мифов, на которых покоилась официальная идеология. Люди остро ощутили отсутствие свободы, демократии.
- К концу 80-х гг. резко обострился дефицит на потребительские, продовольственные товары, услуги, жильё, тепло, транспорт и др. Требования шахтёров об увеличении нормы отпуска мыла с одного до двух кусков в месяц на человека, колбасы на бутерброд – с 100 гр. до 150 гр. стали наиболее показательными в определении глубины сложившегося кризиса.

Существовавшая система не программировала страну на эволюцию. В обществе всё шире распространялось убеждение, что нужны серьёзные экономические и политические реформы. Пробуждение гражданской активности народа стало не только необходимым, но и неизбежным явлением в общественной жизни страны. По мнению одного из новокузнецких лидеров рабочего движения А.Ю.Колесникова, “забастовка была ожидаема, как ожидаем взрыв в шахте от постепенного накапливания смеси угольной пыли и метана, ожидаема, как горный удар...”.³¹

³¹ Л.Н.Лопатин. Рабочее движение Кузбасса в воспоминаниях его участников и очевидцев. С. 242.

То, что начало разрешения конфликта пришлось на Кузбасс в известной степени случайно (в шахтерской столовой г. Междуреченска рабочих накормили тухлым мясом: стояли жаркие июльские дни). Но в то же время конфликт был вызван как тем, что острота социальных проблем в этом регионе была одной из наиболее высоких в стране, так и тем, что здесь был сосредоточен один из самых многочисленных, образованных и организованных “по-солдатски” отрядов рабочего класса. Из-за специфики своего опасного труда шахтёры обладают склонностью к самодисциплине и коллективизму. Именно шахтёры во всём мире становились инициаторами рабочего движения (Германия, США, Англия, Румыния и др.).

Содержание первого – “романтического” периода рабочего движения.

В истории рабочего движения Кузбасса целесообразно выделять два периода: 1) 1989-1993 гг. – организованный, демократический; 2) с осени 1993 г. – кризис движения, активизация общественных сил антидемократической ориентации.³² В представляемых исследованиях более изученным оказался первый, “романтический” период.³³ В этом периоде можно выделить несколько *этапов*: февраль – апрель 1989 г.; июль 1989 г.; август 1989 г. – март 1990 г.; апрель 1990 г. – август 1991 г.; после августа 1991 г.

Первый этап (февраль – апрель 1989 г.) – *Эпизодичные, малочисленные выступления рабочих* на не менее 20 предприятиях Кузбасса (по всей стране их насчитывались сотни). Для них характерно: выдвижение однотипных требований по изменению условий труда и быта; направленность протеста исключительно против администрации своего предприятия; малочисленность протестующих, представляющих лишь небольшую часть предприятия; стремление рабочих провести акцию протеста в труднодоступных для карательных подразделений местах; кратковременность акций (несколько часов); исключительная доверчивость протестующих к начальствующим лицам, обещавшим

³²Первая попытка установления периодизации рабочего движения была предпринята автором на научной конференции в Новосибирске в июне 1991 г. Затем — в 1993 г. в предисловии к упомянутому сборнику документов.

³³ Выражение Л.М.Алексеевой и Л.А.Гордона. Значение забастовок в нашем обществе. Приложение. В кн. Леонид Гордон. Надежда или угроза? С.73.

оперативно удовлетворить их требования. Это были коллективные действия протеста взамен традиционных жалоб в вышестоящие органы. Правящая элита Кузбасса неадекватно реагировала на новое для советской действительности явление, не смогла понять, что эти выступления были зародышевой формой рабочего движения.

Второй этап (июль 1989 г.) – *Всекузбасская шахтёрская забастовка как стихийный взрыв, массовая экономическая стачка.*

Можно выделить характерные черты этой забастовки. Стихийность её возникновения. Стремительность разрастания. В считанные часы забастовка шахтёров одной шахты охватила все угольные предприятия Междуреченска, через день-два – юг Кузбасса, а ещё через два дня – весь Кузбасса. Вскоре она стала всесоюзной отраслевой. Исключительно мирные методы с обеих сторон. Бескомпромиссность “площадей несогласия” при сохранении веры шахтёров в хороших руководителей (особенно столичных). Подчеркнутое стремление забастовщиков дистанцироваться от политических выступлений и требований, демонстрация лояльности к властным структурам, вера в курс перестройки. Доминирование экономических требований, затрагивающих интересы не столько шахтёров, сколько всех кузбассовцев. Всенародная поддержка бунтующих шахтёров. Стремление шахтёров не допустить распространения стачки на другие отрасли промышленности, особенно на предприятия социальной сферы. Активное и свободное участие журналистов телевидения в освещении забастовки (что явилось фактором популяризации забастовки, консолидации забастовщиков, сохранения спокойствия и уверенности всех кузбассовцев в победе правого дела). Исключительно быстрая самоорганизация забастовщиков. Происходила быстрая и постоянная ротация членов шахтовых и городских забастовочных комитетов при сохранении в их составе удельного веса рабочих (около 80%), коммунистов (более трети), имеющих высшее или среднеспециальное образование (городские – почти 50%), среднего возраста (37 лет), многие из которых занимали руководящие должности (от горного мастера до главного инженера шахты).³⁴ Растерянность и зачастую полный паралич городских властей и администраций многих шахт и временное

³⁴. Л.Н.Лопатин. История рабочего движения Кузбасса. С. 55, 57, 64.

невыполнение ими управленческих функций.³⁵ Абсолютная неспособность советских профсоюзов встать на защиту наемных работников и полное их совпадение с администрациями предприятий – фактическими работодателями. Стремление руководства КПСС сначала как бы не замечать кузбасской забастовки, переложить ответственность за ликвидацию кризиса на местные власти. Затем избрание тактики широкомасштабных часто экономически несостоятельных обещаний забастовщикам.

Июльская стачка оказалась отправной в возрождении массового общественного движения не только в СССР, но и в европейских социалистических странах, стала катализатором процесса распада существовавших режимов.

Третий этап (август 1989 г. – март 1990 г.) – *Борьба рабочих комитетов за выполнение правительством СССР принятых на себя обязательств по решению вопросов труда и быта кузбассовцев (точно так же, как и донбассовцев, воркутинцев, карагандинцев и др.).*

На этом этапе произошло превращение временных объединений трудящихся, каковыми были забастовочные комитеты, в постоянно действующие легитимные самостоятельные формирования – рабочие комитеты. Вначале их деятельность в основном не выходила за стандартные рамки борьбы за лучшие условия продажи рабочей силы. Но уже через месяц (в сентябре - ноябре) лидеры рабочих комитетов попытались создать общественно-политическую организацию “Союз трудящихся Кузбасса”. Впервые за всю историю советской власти была нарушена монополия компартии на общественную деятельность. Это было отражением потребности общества в структуре движенческого типа, попыткой создания своей партии с целью установления контроля граждан за политикой государства, способом формирования политической воли народа. Впервые в истории СССР была нарушена и монополия компартии на печать: сначала явочным порядком (с декабря 1989 г.), а затем легитимным путем (с февраля 1990 г.) в Кузбассе стала выходить массовая газета, оппозиционная КПСС. Не претендуя на исполнение властных функций, рабочие комитеты оперативно решали вопросы, начиная от защиты интересов отдельного человека до поставок технологического оборудования в регион или на отдельное предприятие,

³⁵ Это нашло отражение в “Протоколе о согласованных мерах между региональным забастовочным комитетом Кузбасса и комиссией ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС”. Рабочее движение Кузбасса. Документы и материалы. С. 68 - 75.

снабжения населения продовольственными и промышленными товарами, развития инфраструктуры городов и т.п. (это стало свидетельством глубокого кризиса конституционных органов власти).

Лидеры рабочих комитетов, а вслед за ними и большая часть шахтёров, приняли идеи демократии как одну из целей своей борьбы. Но первоначально решительно отрицали частную собственность (демократия без рынка). К концу анализируемого этапа (в январе — марте) многие из этих рабочих, сохранив приверженность демократии, признали необходимость частной собственности и замены административных регуляторов рыночными. (У лидеров рабочего движения Кузбасса признание частной собственности произошло эмпирическим путем, как социальная догадка. Общественная “реабилитация” частной собственности на уровне общероссийском произошла лишь к концу 1990 г.). Тех, кто отрицал и демократию, и рынок, на этом этапе рабочего движения было меньшинство. Сторонников таких взглядов шахтёры отзывали из рабочих комитетов.

Взаимоотношения рабочих комитетов с властными структурами и администрациями предприятий на этом этапе были мирными и нередко конструктивными. Тактика давления “снизу” вполне удавалась. Угроза новой забастовки делала номенклатурных работников из всех эшелонов готовыми к диалогу. События того времени прекрасно подтверждали жизненность правила западных профсоюзов – “забастовки укрепляют социальный мир и покой в обществе”. Однако, сотрудничая с рабочими комитетами, кузбасские руководители зачастую воспринимали их лидеров в качестве “выскочек”, стремившихся удовлетворить “личные амбиции”. Их тактику условно можно определить как сотрудничество – борьба, сотрудничество – “сквозь зубы”, неуважение к партнёру. Началась активная работа по целенаправленной дискредитации лидеров рабочих комитетов (подкуп, клевета и др.). Были предприняты действия по блокированию связей между шахтёрами угольных регионов СССР.

Как показали исследования, противоречия между интересами власти (как работодателя) и интересами основной массы россиян (как наемных работников) на этом этапе имели шанс развиваться в традиционных рамках экономической, профсоюзной борьбы. Но не развились. Невыполнение руководством страны, взятых на себя в ходе июльской забастовки обязательств, было расценено рабочими комитетами как обман народа. Постепенно лидеры рабочего движения вызревали до понимания того, что сколько-нибудь серьезные изменения в положении трудящихся невозможны без радикальной реорганизации

политической системы (пока в рамках социализма). Власть имущие проявили недальновидное упрямство в сохранении отживших государственных и общественных институтов, нежелание прислушиваться к народу, интересы которого (применительно к Кузбассу) вполне отражали рабочие комитеты. Профсоюзы были в растерянности. Позиция советского менеджмента, сводившаяся к обману, вынудила рабочие комитеты отказаться от сотрудничества с властью. Диалог был утрачен.³⁶

По мнению политологов, такой диалог является основным механизмом, связывающим государство с обществом. Советский истеблишмент, таким образом, в то время упустил реальный шанс по формированию определяющей черты открытого гражданского общества. Констатируя этот факт, бывший первый секретарь Кемеровского горкома КПСС В.И.Овденко, говорил: “Я ответственно заявляю, что предложения по реформированию страны, поступавшие в Москву в дни рабочего движения из Кузбасса, там вызывали почти шок! Большие научно-исследовательские институты, целые ансамбли институтов, работавшие на ЦК и правительство, не могли додуматься и сформулировать проблему, найти направления её решения так, как это делала небольшая группа людей здесь, в Кузбассе. И если бы это имело продолжение, то сейчас мы бы имели другую страну.”³⁷

Четвертый этап (апрель 1990 г. – август 1991 г.) – Отказ от социализма стал частью массового сознания. Переход рабочего движения к активной целенаправленной борьбе за переустройство всей политической и экономической системы СССР.

На этом этапе борьба стала носить ярко выраженный антикоммунистический характер. Основная масса шахтёров поддержала своих лидеров в требованиях отмены статьи шестой Конституции СССР, в которой говорилось о конституционном праве КПСС управлять страной. В ответ на информационную войну, попытки силового прессинга и хронический обман со стороны властей, газета рабочего движения (“Наша газета”) ввела постоянную рубрику “Материалы, порочащие КПСС”. Из

³⁶ Подробности см. Л.Н.Лопатин. История рабочего движения Кузбасса. С.145-154.

³⁷ Л.Н.Лопатин. Рабочее движение Кузбасса в воспоминаниях... С.387. Приоритет кузбасской программы экономического реформирования признает и исследователь И.Шаблинский. Указ. соч. С.252.

компартии вышли все активисты рабочего движения демократической ориентации.

Ареной политического противостояния стали в основном сессии Советов народных депутатов. И хотя фракции рабочих комитетов в Советах были малочисленными (в основном в пределах 15% от общего состава), им удавалось эффективно противостоять антидемократическому большинству. Но социальная база рабочего движения постепенно сужалась как в количественном, так (особенно) и в качественном отношении. В борьбе за лучшие условия продажи рабочей силы шахтёры не смогли пробиться через гражданскую индифферентность своих земляков. Они оставались по-прежнему одни. Слабые зачатки структур рабочего движения демократической ориентации на отдельных предприятиях металлургии, легкой промышленности, химии и др. исчезли. Почти никак себя не проявляли даже рабочие формирования, созданные при участии коммунистической партии (Объединенный фронт трудящихся, например).

Интеллигенция Кузбасса, которая весной 1989 г. проявила очень хорошую активность на выборах в Верховный Совет СССР, в рабочее движение не вошла (кроме журналистов). Её ленивая оппозиционность политическому режиму не вышла за рамки обывательской критики ради критики. Рабочее движение и либеральная интеллигенция не смогли найти дорогу друг к другу.

Сужение социальной базы стало одной из основных причин снижения роли рабочих комитетов в общественной жизни Кузбасса. В ряде городов Кузбасса

городские рабочие комитеты были распущены. Авторитет и силу сохраняли: областной совет (СРКК), Новокузнецкий, Прокопьевский, отчасти Киселёвский и Беловский городские рабочие комитеты. На шахтах рабочие комитеты самораспустились (на время стачки восстанавливались). Их активисты стали функционерами СТК (советов трудовых коллективов),

профкомов, даже парткомов, а многие вообще отошли от рабочего движения. Ещё более разрушительными для рабочего движения были аналогичные процессы в Донбассе, Воркуте, Караганде.

Заявив о невозможности добиться существенного улучшения условий труда и быта при существующем политическом режиме, рабочие комитеты почти полностью отказались от экономической борьбы, что стало одной из основных причин разрыва их с трудовыми коллективами. Нигде в мире рабочий человек не бывает продвинут в политике. Он

сосредоточен на борьбе за экономические реформы. Политика – это дело интеллигенции. Но поскольку интеллигенция молчала, постольку рабочему движению пришлось выполнять несвойственную ему функцию.

Сделав акцент на политической борьбе, лидеры рабочих комитетов (не только Кузбасса) структурировали свободное профсоюзное движение. Ими был создан сначала Независимый профсоюз горняков СССР (позднее – Кузбасса), а затем профсоюзы в некоторых других отраслях. Совет рабочих комитетов Кузбасса как сильнейший и наиболее авторитетный центр рабочего движения был преобразован в межотраслевой координационный орган свободных профсоюзов – Конфедерацию труда Кузбасса (в 1996 г. вернулись к прежнему названию). Однако среди лидеров профсоюзная работа не считалась важным участком рабочего движения, и поэтому многое было пущено на самотек. Численность свободных профсоюзов не росла. Авторитетность, популярность и сила их были невысоки.

Пятый этап (август 1991 г. - 1993 г.). – *Поддержка реформаторов, начало кризиса рабочего движения Кузбасса.*

Изучение документов показало, что приход к власти демократов после провала августовского путча 1991 г. осложнил деятельность рабочих комитетов. Главный объект направленности их борьбы в лице тоталитарного государства был утрачен. Новая власть установилась с их собственной подачи. Демократические силы России, где рабочие комитеты Кузбасса играли весьма важную роль, для новой власти выступили как бы в лице работодателя. Естественно, что содержание борьбы рабочих комитетов должно было измениться.

На этом этапе рабочие комитеты пытались оказать влияние на формирование структур исполнительной власти. Но безуспешно. Главами администраций городов утверждались бывшие номенклатурные работники, которые формировали аппараты управлений из своей среды. В органах исполнительной власти на весь 3-х миллионный Кузбасс оказались только 6 чел., ранее участвовавших в демократическом движении: 2 чел. – в Кемерово, 2 – в Киселёвске, 1 – Ленинске-Кузнецком, 1 – в Прокопьевске. Подобная картина наблюдалась по всем периферийным регионам России.

Резко активизировались советские профсоюзы, которые, изменив название на “независимые профсоюзы” (ФНПР), перехватили эстафету забастовок и направили их против реформаторов. Постепенно ФНПР

развивался, особенно профсоюз угольщиков, в руководстве которого оказались бывшие лидеры шахтерского движения. К 1996 г. по влиянию на шахтёров этот профсоюз превзошёл “революционный” Независимый профсоюз горняков (НПГ), и уже не существовало принципиальных различий между этими двумя профсоюзами горняков (кроме личных взаимоотношений их руководства).

В сентябре 1991 г. учителя и врачи Кузбасса организовав забастовку, потребовали от реформаторов, находившихся у власти менее трех недель, достойной для себя заработной платы. Руководство ФНПР Кемеровской области так хорошо организовало эту забастовку, что она едва не переросла во всероссийскую. Демократы Кузбасса выступили против неё. В отличие от учителей и врачей они прошли школу борьбы и давно покончили с прекрасодушным утопизмом требований, для выполнения которых не существовало экономической базы.

До конца 1993 г. рабочие комитеты и НПГ (Кузбасса) оказывали безусловную и безоговорочную поддержку исполнительной власти (как в целом России, так и Кузбасса, в частности). Тем более, что во главе исполнительной власти Кузбасса Президент России поставил активистов рабочего движения М.Б.Кислюка и А.В.Малыхина (которые постепенно переродились в стандартных советских чиновников). В наиболее критических для российской демократии ситуациях шахтёры выезжали в Москву, чтобы продемонстрировать левой оппозиции силу поддержки рабочего класса Кузбасса. Новые профсоюзы оказались в сложнейшем положении: они не могли отказать в поддержке правительству реформ, но в то же время, чтобы не оторваться от рабочих, должны были бороться с ним. Что допустимо политической партии, непозволительно профсоюзу. Их кризис стал неизбежным.

В связи тактикой поддержки правительства Ельцина в общественном сознании сложилось мнение о демократах как безоговорочных союзниках власти. Поскольку эта поддержка длилась не один год, постольку дистанция между лидерами движения и рядовыми участниками движения увеличивалась. Совпадение лидеров с социальной базой всё больше и больше отходило в прошлое. Попытка некоторых активистов рабочего движения летом 1992 г. склонить Совет рабочих комитетов к заключению с правительством договора о временном моратории на забастовки, замораживании заработной платы шахтёрам и др. не удалась. Идеология договора сводилась к давлению на правительство по разработке, популяризации (пропаганде) программы и её реализации под угрозой забастовки (пункт за пунктом). Авторы этого

предложения надеялись таким образом принудить реформаторское правительство к прямому диалогу с обществом.³⁸

Как показали исследования, в постсоциалистическое время лидеры демократического движения России не смогли определить правильную линию по отношению к структурам власти. Сделать это было невероятно сложно, так как мотивация общественной активности основной массы населения и их лидеров стали различными. Рабочие объективно должны были стать в оппозицию к реформаторам, так как реформирование страны принесло не только наполненные прилавки, но и безработицу, невыплату зарплаты и пр. Лидеры, как интеллектуально продвинутые и опытные борцы, выступали за продолжение реформ, в которых они видели гарантию возвращения России к цивилизационному мировому опыту. Но их, в связи с этим, стали воспринимать как “партию власти”. “Генералы оказались без армии”.

Общественного диалога с властью не состоялось даже в “революционном” Кузбассе. Как и в советские годы здесь сохранилась лишь одноканальная связь во взаимодействии с народом – сверху вниз. Канал влияния снизу на областные и городские органы управления полностью блокировался бывшими номенклатурными работниками, вновь утвердившимся у власти. Давление на власть и на собственников средств производства “снизу” составляет главный предмет рабочего и профсоюзного движения во всём мире, считается одним из основных проявлений демократии. Необходимость применения этой тактики в данном случае обуславливалась также и тем, что с одной стороны было важно сохранить у шахтёров их психологическую сопричастность реформам, с другой – власть поддерживала бы и развивала уникальный опыт контактирования с народом без посредников. Новое, считавшееся демократическим, руководство России повторило опыт советских руководителей по выведению народа за скобки функционирования государства, как особого комитета по делам управления обществом на основе закона и права.

Второй период рабочего движения (с конца 1993 г.) был временем кризиса демократического движения России. Забастовки, голодовки, пикеты стали обыденным явлением.

³⁸ Содержание дискуссии о временном моратории на забастовку в июне 1992 г. см. в кн.: Л.Н.Лопатин. Путь от коммунизма... С. 189 - 193.

Видимо, по закону маятника в наибольшей степени кризис проявился в Кузбассе, как регионе с наивысшей некогда общественной активностью. Демократы Кузбасса утратили лидирующие позиции в общественном движении. Хотя число партий, движений, общественных фондов демократической ориентации составляло внушительную цифру (более 100 наименований), влияние их на общество было незначительным.³⁹ Ни на одних выборах (декабрь 1993 г., декабрь 1995 г., июль 1996 г., июль 1997 г. и др.) демократам не удалось добиться успехов. Руководство областной администрации после роспуска Советов народных депутатов (осень 1993 г.) фактически прекратило сотрудничество с демократами. Администрации шахт перестали выделять средства на функционирование городских и областного рабочих комитетов. Штабы рабочих комитетов (кроме Новокузнецка и Прокопьевска) выселены из административных зданий.

Как показали исследования, наблюдался постепенный выход “госпрофсоюзов” из кризиса недоверия к ним со стороны трудящихся. Руководству ФНПР удалось в известной степени преодолеть “наследие ВЦСПС”, организовав перманентную борьбу сначала “госбюджетников”, потом и шахтёров против областной администрации, правительства и Президента. Борьба достигла особенно высокой степени накала в связи с массовыми невыплатами заработной платы (с 1994 г.). Адресность претензий “госбюджетников” к правительству оправдана: правительство – их работодатель. Но источник невыплат производственникам тогда находился в основном на самих предприятиях. Невыплаты были результатом неэффективного хозяйствования руководителей предприятий, не знавших законов менеджмента, не умевших управлять в условиях рыночной экономики, увлечшихся личным обогащением, пытавшихся “обхитрить экономику”.

Профсоюзы могли бы сказать в этом вопросе своё далеко не последнее слово. Парадокс ситуации состоял в том, что несмотря на высокий забастовочный накал, борьба за лучшие условия продажи рабочей силы отсутствовала. За что же боролись? Лидеры ФНПР были озабочены в основном политическими целями. Во всех их протестных мероприятиях не только присутствовал, но и доминировал подтекст реставрации социализма. Это совпадало с ностальгическими настроениями кузбассовцев. “Ни страшный опыт переходного периода, –

³⁹ См. Общество — пресса — власть: взаимодействие или противодействие? (На примере Кузбасса), Кемерово. 1998. 60 с.

писал ещё в 1944 г. немецкий философ Л. фон Мизес, – ни бесконечное ожидание не в силах были опровергнуть утверждения, что социализм есть лучший из способов организации общества”.⁴⁰

В этом периоде профсоюзные лидеры организовывали шахтерские и иные забастовки совместно с директорами предприятий (тем нужны были государственные дотации). То есть, и работодатель, и наемный работник оказались в одном отряде “профсоюзного движения”. ”То эти – “энпэгэшники”, то те – “профсоюзники” забузуют, – прокомментировали эту ситуацию в 1996 г. в Новокузнецком городском рабочем комитете, – и “Росуглю” пошли деньги”.⁴¹ Чтобы столичные власти заметили эти выступления, организаторам забастовок приходилось преувеличивать масштабы протеста.

Бросив все силы на политическое противостояние государству, бывшие “госпрофсоюзы” были в целом не очень озабочены защитой интересов трудящихся на каждом предприятии в отдельности, где, собственно, и должен находиться центр борьбы за права рабочего. Объясняется это, видимо, двумя обстоятельствами. **Первое.** Природа забастовок по-прежнему осталась политической. Забастовщики требовали от правительства, чтобы путем перераспределения общественного богатства обеспечивались потребности тех, кто занят в общественном секторе даже за счет изъятия средств у кого-то другого. **Второе.** Стремление ограничиться требованиями только к правительству или Администрации области объясняется не столько неопытностью профсоюзных лидеров, сколько, вероятно, их опасениями натолкнуться на физическую расправу и перманентный дискомфорт собственного положения на предприятии. Профсоюзному работнику на предприятии гораздо выгоднее и безопаснее выполнять роль заведующего одним из отделов администрации. Это не кузбасский феномен. Он общероссийский. И даже мировой. Так было и в других постсоциалистических странах, что отмечает югославский исследователь С.Стойнович.⁴²

Анализ документов, опрос участников забастовок, социологические исследования института сравнительных исследований трудовых отношений (Кемеровский филиал) показали, что к 1998 г.

⁴⁰ Л. фон Мизес. Бюрократия. Запланированный хаос. М.: 1993. С. 155.

⁴¹ Л.Н.Лопатин. Рабочее движение в воспоминаниях... С. 208.

⁴² С. Стоянович. Потсткоммунизм: противоречия между демократией и капитализмом. Полис. 1996, № 1. С.50-54.

профсоюзы Кузбасса не отражали всей совокупности современных производственных отношений. Новые лидеры рабочего движения не осознавали (либо делали вид), что работодатель для их “подзащитного” чаще всего уже не государство. Сотрудничество профсоюзов с администрацией предприятий в борьбе против Президента и правительства, против структур местной власти (считавшихся демократическими, реформаторскими) имело по сути реакционный политический и экономический смысл. Это стало сопряжено с потерей их самостоятельности перед работодателем.

В этом периоде произошло возвращение рабочего движения к стихийности. Чувствуя, что как “свободные”, так и “традиционные” профсоюзы их не защищают, рабочие стали сами стихийно организовывать голодовки, забастовки, перекрытия транспортных магистралей (железных и шоссейных дорог), захватывать в заложники чиновников и представителей администраций предприятий, угрожать самоожжением и др. Этот импульс снизу, как и в 1989 г., когда-нибудь приведет к оформлению мощного, конструктивного и цивилизованного движения (рабочего, профсоюзного). Только процесс этого формирования теперь займет уже не недели, но, видимо, годы. Опыт рабочего движения демократической направленности (1989-1993 гг.) оказался в основном неостребованным. По крайней мере, – в Кузбассе.

Постепенно сменялись лидеры рабочего движения. Многие лидеры рабочих комитетов демократической ориентации отошли от движения, стали политиками и бизнесменами. Сильные люди (а лидеры рабочих комитетов – сильные) всегда вовлекаются в те сферы общественной жизни, где открываются широкие возможности творчества и приложения энергии, где, к тому же, легче получить материальный результат. Наоборот, активные люди антирыночной ориентации, считает Л.А.Гордон, реже склоняются к самоосуществлению в деловой сфере, больше склонны действовать в политике. К середине 90-х годов в Кузбассе наступило время именно таких лидеров.

Эволюция требований рабочих комитетов и изменение их тактики.

Требования забастовщиков первого этапа (февраль-апрель 1989 г.) и начало второго этапа (11 - 13 июля 1989 г.) по качеству однотипны. Поскольку эти требования формировались исключительно самим рабочими (путем выкрикивания на собраниях и митингах), постольку они в чистом виде отражали некоторые характерные черты советского

рабочего класса того периода времени. Они показали: низкую притязательность рабочих в вопросах условий труда (своевременная стирка шахтёрской спецодежды, увеличение нормы отпуска мыла до 2 кусков в месяц и т.п.); весьма скромные представления о достойной и справедливой заработной плате; исключительно упрощенное понимание причин их бедственного положения (виновниками считались работники торговли и контролирующие их структуры);⁴³ полное незнание политического устройства страны (“что такое советское или хозяйственное, профсоюзное или партийное мы не очень различали, – с иронией констатировал член Междуреченского рабочего комитета С.Г.Ластушкин. – ...Знали, что вся власть сосредоточена в горкоме КПСС”).⁴⁴

Но рабочие и особенно их лидеры быстро само образовывались, стали привлекать специалистов. Анализ 44 пунктов “Протокола” и “Дополнительных мер...”, подписанных правительственной комиссией 17-18, 22 июля 1989 г., показывает полную растерянность “верхов”. Они “с испугу наворотили”⁴⁵ таких обещаний, выполнение которых разрушало не только целостность тоталитарной системы как единого организма, но и подрывало её фундаментальную основу – монополию государства на собственность средств производства. Это неизбежно вело к изменению характера производственных отношений.

Правительственная сторона согласилась на перевод Кемеровской области на региональный хозрасчет, предоставление предприятиям Кузбасса экономической и юридической самостоятельности. Предприятиям разрешалось продавать продукцию, произведенную сверх государственного плана, как внутри страны, так и за рубежом. Они могли корректировать основные экономические показатели (объем угледобычи, себестоимость, производительность труда, расценки и др.) в соответствии с изменением горногеологических условий. Предусматривалась реформа оптовых цен на уголь. На реформу такого масштаба советское руководство никогда не решалось, пытаясь на всех этапах социалистического строительства реформировать лишь какие-то отдельные части управленческой системы. Как правило,

⁴³ Л.Н.Лопатин. История рабочего движения Кузбасса. С. 39-40.

⁴⁴ Л.Н.Лопатин Рабочее движение в воспоминаниях... С. 257.

⁴⁵ Выражение бывшего генерального директора объединения “Прокопьевскуголь” М.И.Найдова (“руки дрожали”, “губы тряслись”). См. Л.Лопатин. Рабочее движение Кузбасса в воспоминаниях его участников и очевидцев. С. 455.

реформировалась лишь структура управления, и декларировалось введение “экономических рычагов” управления.⁴⁶

Другая группа требований “Протокола” относилась к конкретным вопросам начисления заработной платы, пенсий, проблемам отдыха, медицинского обслуживания, экологической безопасности, развития соцкультбыта для всех кузбассовцев.

Третья группа требований “Протокола” получила в стране наибольшую известность и в обыденном сознании жителей других регионов страны воспринималась как единственная, как цель шахтерской забастовки. Правительство обязалось увеличить (на 20-30%) поставки в Кузбасс продуктов питания и товаров народного потребления (остродефицитными в то время были: мясо, масло, сахар, чай, кофе, обувь, мебель, бытовая техника, моющие средства и пр.).⁴⁷

Однако не требования “Протокола” имели наибольшее по степени исторической важности значение (они всё равно были не выполнены). В ходе июльской забастовки началось возрождение человеческого достоинства, попираемого в нескольких поколениях советских людей. (“Мы поднялись с колен”, – сказал один из лидеров Совета рабочих комитетов Кузбасса А.В.Асланиди.) С возрождением человеческого достоинства начинается гражданское общество. Этого субъективного фактора не смог учесть кузбасский (и столичный) истэблшмент, убежденный в своем незыблемом праве управлять людьми и имевший о народе представление как о полуспившейся, покорной и туповатой массе, которую можно по-прежнему легко обманывать. Неуважительное отношение чиновников стало дополнительным катализатором рабочего движения.

Проведенные исследования показывают, что время выполнения “Протокола” (август – декабрь 1989 г.) было временем вызревания лидеров рабочего движения до понимания иллюзорности надежд на сколько-нибудь значительное улучшение жизни при существовавшей системе. Выяснилось, что в силу ничтожности развития отраслей, производящих продукты и товары народного потребления, экономический потенциал страны был недостаточен для выполнения “Протокола”. К середине ноября 1989 г. оказались выполненными только

⁴⁶ См. Л.Н.Лопатин. Партийное руководство совершенствованием управления угольной промышленностью Кузбасса (1927 - 1937 гг.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., МГУ, 1975.

⁴⁷ Подробный анализ требований “Протокола” см. Л.Н.Лопатин. История рабочего движения Кузбасса. С. 58-63, 67-72.

11 из 44 пунктов. Добиваясь их выполнения в ходе многочисленных поездок в Москву, члены рабочих комитетов увидели огромную и неповоротливую государственную машину, неспособную управлять страной. Они постепенно пришли к мысли о необходимости радикальных изменений в политической и экономической системе.

Анализ документов и материалов показывает, что политическая направленность рабочего движения фактически началась с первых его дней возрождения. В конфликте труда и капитала социалистическое государство выступало как работодатель. Естественно, что претензии наёмного работника оказались обращенными прежде всего к структурам власти, и все его требования автоматически приобретали характер политических. Даже требования увеличения норм выдачи мыла и колбасы было требованием политическим, поскольку адресовалось не директору шахты, а государству. И уж тем более политическими были требования о предоставлении шахтам Кузбасса юридической и хозяйственной самостоятельности, о приезде в Кузбасс М.С.Горбачева, о разрешении рабочим комитетам издания собственной газеты, о создании своей общественно-политической организации. Но, во-первых, политический характер этих требований специально не декларировался, во-вторых, выдвигались проблемы преимущественно не государственного устройства, а проблемы улучшения условий продажи рабочей силы. И только, начиная с весны 1990 г., рабочие комитеты стали вести целенаправленную деятельность по изменению конституционных основ Советского Союза.

До весны 1990 г. шахтёры и их научные консультанты были сторонниками “обновленного социализма”. Наиболее отчетливо это выразилось в Программном заявлении созданного ими “Союза трудящихся Кузбасса”, в котором был сделан большой шаг к преодолению общественно-политических догматов, считавшихся марксистско-ленинским учением. Впервые в советской политической и научной практике (без последствий для автора) публично говорилось об извращенном характере социализма, построенного в СССР: крайне низкое удовлетворении материальных и духовных потребностей человека; наличие экономического и внеэкономического принуждения трудящихся и их эксплуатации; оформление государственной, а не общественной собственности на средства производства и отчуждение в связи с этим результатов труда наемного работника; утверждение единовластия компартии (вместо народовластия); установление господства идеологии обмана вместо развития культуры и др.

Программной целью “Союза” декларировалось преодоление искажений социализма, где на первом месте стояли: передача собственности и власти народу; защита прав и интересов личности. Ни обком, ни ЦК КПСС с их армиями научных работников не смогли дать содержательную критику этого документа, хотя, как свидетельствуют архивные документы, установка на этот счет была абсолютно конкретной.⁴⁸

Переломным моментом в переходе рабочих комитетов к политической борьбе стали переговоры с правительственной комиссией по выполнению “Протокола”, состоявшиеся в январе – феврале 1990 г. в Прокопьевске – Кемерове – Москве. В ходе переговоров рабочие комитеты предложили “Соглашение”. В этом документе (за полгода до программы “500 дней”, за два года до “гайдаровских реформ”) лидеры рабочего движения Кузбасса и их научные консультанты очень точно вышли на стратегию реформ – формирование рыночных отношений. Кузбасс предлагался в качестве испытательного полигона.

Как показали исследования многих авторов (Л.М.Алексеевой, Л.А.Гордона, И.Г.Шаблинского, В.В.Комаровского, В.И.Кабалиной, и др.), проведенные в различных регионах СССР, в то время не хватило небольшого толчка, чтобы руководство страны перешло от пустого декларирования необходимости реформ к реальному их проведению. Такой толчок могли дать кузбасские чиновники и интеллигенция в союзе с рабочими комитетами. Но не дали. Шанс превращения рыночных идей в практику был упущен. Это был последний шанс. Дальше начался ускоренный распад КПСС (стержневой структуры жесткой власти, как одного из главных факторов успешности реформ). По мнению научного консультанта рабочего движения А.Н.Гекова: “Лидеры рабочего движения сумели сформировать концепцию радикальных реформ в СССР, но не смогли создать механизма их реализации. И реформы пошли не туда”.⁴⁹

Принципиальная важность ситуации заключалась в том, что импульс реформам придавался “снизу”. Новое общество как бы выращивалось, а не насаждалось “сверху” (как социализм). Через два года правительством Ельцина – Гайдара (в 1992 г.) осуществлялась принципиально такая же концепция в реформировании страны. Но она

⁴⁸ Рабочее движение Кузбасса. Документы и материалы. С.152-165.

⁴⁹ Цит. по кн. Л.Лопатин. Рабочее движение Кузбасса в воспоминаниях его участников и очевидцев. С. 481-484.

стала рассматриваться обществом уже как давление “сверху”. И, естественно, не получила его поддержки.

Лидеры рабочего движения постепенно пришли к отрицанию коммунистических догматов. Документы показывают, что поворот к антикоммунизму произошёл на съезде рабочих движений и организаций СССР (30 апреля - 2 мая 1990 г., г. Новокузнецк).⁵⁰ Для лидеров рабочего движения антикоммунизм был логическим следствием их предшествующей борьбы. Это вызревание было в основном стихийным, на уровне эмоций. Выдающийся революционер В.И. Ленин ещё в начале 20 в. писал, что в рабочее движение “политическое сознание может быть привнесено только извне”.⁵¹ Оно не может быть следствием бунта. Выработывает и вносит его, считал он, интеллигенция. Слабая же попытка рабочих комитетов самим организовать массово-разъяснительную работу в трудовых коллективах провалилась.

Интеллигенция Кузбасса осталась в стороне от процессов возрождения гражданского общества, в данном случае, выработке сознания и внесения его в массы. Это стало причиной того, что активный, стихийный, но поверхностный антикоммунизм шахтёров 1990 - 1992 гг., в постсоциалистическое время легко перерос в свою противоположность – поддержку антидемократических лидеров. Из-за пассивности интеллигенции в разработке и внедрении социалистической идеологии, рабочее движение неизбежно должно было перескочить через социал-демократический этап (как свою естественную “среду обитания”) и принять вульгарно-либеральную идеологию, как крайнюю противоположность господствовавшей коммунистической идеологии. Отрыв рабочих лидеров от своей социальной базы, таким образом, стал неизбежным.

Так было не только в Кузбассе. Так произошло почти во всем СССР. Успех экономических и социальных реформ в Прибалтике и странах Восточной Европы во многом определяется как раз фактором активного участия в них интеллигенции. Российская интеллигенция могла бы определить (но не определила) новую структуру общественного устройства, в котором понятия “свободы” и “демократии” должны были получить осмысление, интерпретацию и воплощение в реальной жизни. Отсутствие такой работы привело к тому, что демократия была принята на веру, а общество в

⁵⁰ Рабочее движение Кузбасса в воспоминаниях его участников и очевидцев. С.269-298.

⁵¹ В.И. Ленин. Что делать? // Полное собрание сочинений. М.: 1971. С. 79.

постсоциалистическое время получило ещё большую несвободу в виде массовой безработицы и бедности людей, полной свободе действий чиновников и владельцев средств производства против граждан.

Исследования показали, что в конце 80-х -90-е гг. история с необходимостью диктовала объединение всех наёмных работников в борьбе как минимум за демократию. Увы! Такого объединения ни в Кузбассе, ни в России в целом не состоялось. Это и определило высокую социальную цену реформ. Как компенсация неосознанной собственной вины за случившееся, в общественном сознании стал утверждаться тезис о виновности московских и местных демократов за тяжесть реформ, о собственной личной непричастности к несчастьям народа. Российская интеллигенция по выражению Л.Байрау (Германия) стала лишь свидетелем “морального истощения советской системы”. По его мнению это было следствием деморализации граждан СССР вообще и интеллигенции в особенности, которое произошло в годы советской власти.⁵² Ещё более резок в определении “вины” интеллигенции С.Кара-Мурза, считавший её понимание демократии и свободы “поистине жалким”.⁵³

Демократия, – считал К.Поппер, – может способствовать сохранению свободы, но она не может создать свободу там, где граждане не нуждаются в свободе. Кузбассовцы же (как и жители других регионов СССР) не видели демократию в таком свете. Исследования материалов избирательных компаний, забастовок 1992-95 гг. показали, что люди идеализировали демократию как самодостаточную ценность и наивно полагались на автоматизм решения всех социальных, экономических и политических вопросов в условиях торжественно провозглашенной демократии. Разочарование в демократии и откат в коммунистическое прошлое стали, в известной степени, неизбежными. Ещё в 1992 году А.С.Ахиезер предупреждал, что “существует опасность того, что при попытках преодоления кризиса будет вновь, возможно в иных формах, воспроизведен далеко не всегда удачный опыт прошлого, включая опыт большевизма”.⁵⁴

В отличие от основной массы россиян, лидеры рабочих комитетов Кузбасса уже к концу 1990 г. прочно перешли на либеральные позиции. Как показало исследование, этому способствовало их участие в работе

⁵² Д.Байрау. Интеллигенция и власть: советский опыт // Отечественная история. 1994. № 2. С. 133

⁵³ Сергей Кара-Мурза. После перестройки. Интеллигенция на пепелище родной страны. М.:1995. С.8

⁵⁴ А.С.Ахиезер. Россия как большое общество // Вопросы философии. 1993. № 1. С.19.

республиканского и местных Советов народных депутатов. И хотя “фракции депутатов на платформе рабочих комитетов” в городских и областном Совете составляли лишь четверть общего состава, их мнение по многим вопросам было определяющим. Самое важное и существенное в деятельности этих фракций заключалось в том, что в исключительно жестком противостоянии с коммунистами им удалось превратить Советы из безвластных органов в полновесную власть, лишив структуры КПСС таким образом властных функций. На собственном опыте депутаты осваивали принципы демократии, поняли, что такое разделение властей, учились демократическим процедурам. Работая в Советах, они поняли, что “Советы, – по выражению одного из них, – были не властью, а непрерывным митингом”.⁵⁵ Дилетантизм и невежество многих народных депутатов в вопросах политики и экономики особенно был заметен лидерам рабочих комитетов, которые к тому времени приобрели изрядный практический опыт. Вот почему в сентябре – октябре 1993 г. они сознательно поддержали роспуск Советов.

Однако к тому времени сами рабочие комитеты уже не обладали всенародной поддержкой, популярностью и авторитетом. Сказались как разногласия между участниками движения (далеко не все были сторонниками антикоммунизма), их ошибки, так и изменения в психологии общества.

В реферируемых работах отмечается (и доказывается) существенная особенность лидеров рабочих комитетов, отличавшая их от стандартных революционеров. Никогда – ни во время стихийной стачки июля 1989 г., ни в 1990 г. во время жесткого противостояния с компартией, ни в 1991 г. в ходе общепромышленной политической стачки, ни даже в дни борьбы с путчистами – они не допускали нарушения закона. Они стремились сначала добиться правового оформления своих намерений, а потом действовали. Правового нигилизма рабочие комитеты не допускали, хотя, имея такую всенародную поддержку, могли легко сбиться на революционную вседозволенность и бесшабашный авантюризм (как происходило с революционерами во всём мире). Даже в августовские дни 1991 г. их депутаты стояли не за запрещение деятельности КПСС (что было бы вполне логично), а выступили с законодательной инициативой, обратившись в Верховный Совет, о “приостановке деятельности компартии до окончания расследования обстоятельств организации путча членами ЦК КПСС”.⁵⁶

⁵⁵ Л.Н.Лопатин. Рабочее движение Кузбасса в воспоминания его участников и очевидцев. С. 174.

⁵⁶ Рабочее движение Кузбасса. Документы и материалы. С. 515.

Уважение к закону (даже противоречивому) один из основных признаков гражданского общества. Рабочие комитеты интуитивно выходили именно на это.

Лидеры рабочих комитетов при всей их решительности и твердости были терпимы и лояльны. Они стремились найти общий язык со своими оппонентами. С точки зрения К.Поппера, стремление использовать механизм рациональной дискуссии и не прибегать к насилию, чему-то научиться у своих оппонентов является определяющим признаком открытого гражданского общества. Хотя идеализировать это качество участников рабочего движения не приходится. Оно более применимо в их взаимоотношениях с оппонентами из числа менеджмента и характерно в основном для 1989-1990 гг. Та конфронтация, которая возникла у рабочих комитетов с партийными и советскими структурами к концу 1990 г., – не их инициатива. После 1991 г. лояльность рабочих комитетов приобрела слегка карикатурный вид. Демократы, как бы боясь обвинений в жесткости к компартии, расслабились. Эта терпимость при резком спаде активности рабочих комитетов и привела Кузбасс к превращению в “красный регион”: во всех областных и местных органах исполнительной и представительной власти бесконтрольно утвердилась прежняя коммунистическая номенклатура. Впрочем, так было во всей России.

В представляемых книгах показано, что в 1992-1993 гг. шахтёры в целом не бастовали: сказывался кредит доверия новой власти. Бастовали, митинговали, выставляли пикеты и т.п. учителя (за повышение зарплаты), врачи (за повышение зарплаты и обеспечение медучреждений медикаментами и оборудованием), коммунальщики, машиностроители (за повышение зарплаты) и др. Люди выражали недовольство резким повышением цен, инфляцией. С 1994 г. доминирующим становится требование своевременной выплаты зарплаты. Здесь уже участвовали все категории трудящихся. Однако до общекузбасских акций дело не доходило.

В 1995 г. к требованию своевременной выдачи зарплаты добавилось требование сохранения рабочих мест в связи с начавшейся реструктуризацией угольной промышленности (точнее, закрытием шахт), разорением отдельных предприятий. О социальной поддержке экономических реформ говорить уже не приходилось. Теперь шахтёры оказались отнюдь не сторонниками реформаторов. Хотя требования

шахтёров и других кузбассовцев (1994-1995 гг.) были в основном экономическими, но во всех акциях почти всегда явно или скрытно присутствовал политический оттенок. Вызвано это, видимо, четырьмя обстоятельствами:

Первое. Сохранялась инерция минувшего 1993 г., который был годом острых и менее острых политических событий: всероссийский референдум о курсе реформ и доверии правительству и Президенту; роспуск Советов; принятие Конституции РФ. 1993-1997 гг. были годами практически перманентных выборных кампаний (выборы в областное Законодательное собрание, городские советы, выборы глав администраций, Президента России, губернатора).

Второе. В противостоянии: Кислюк (демократ) – Тулеев (коммунист) личные симпатии большинства кузбассовцев были на стороне Тулеева, что объясняется не только харизматическими качествами главы законодательной власти Тулеева (при отсутствии таковых у главы исполнительной власти Кислюка), но и тяжестью социалистического наследия. В глазах людей реформаторы оказались виновными в бедах, которые в действительности детерминированы социализмом.

Третье. Лидеры ФНПР направляли недовольство людей против правительства и непопулярного Кислюка. Хотя большинство претензий людей должны были находить разрешение на самих предприятиях. “Мы за изменение курса реформ!” – лозунг профсоюзных лидеров и постсоветских депутатов (почти все – не демократы) уводил людей от действительного объекта их борьбы. В 1993 г. ещё можно было проконтролировать и предпринимателя частной фирмы, и директора государственного предприятия в их безответственном, безграмотном и безнравственном хозяйствовании. В 1995-96 гг. было уже поздно. Менеджмент понял, что ему некого бояться, – законов нет, профсоюзам не до директоров (они вместе с депутатами заняты лишь политикой). В результате зарплату перестали платить по полгода. (на шахте “Кузнецкой” – три года).

Четвертое. В средствах массовой информации страны шло навязывание психологического ощущения безнадежности, беспросветности, безысходности, невыносимой бедности, разрухи, отчаяния. Люди охотно восприняли это самоощущение, не желая считаться с действительностью.

В реферируемых публикациях показана эта постсоциалистическая действительность: несмотря на исключительные экономические

трудности Кузбасс покрылся сетью современных дорог; увеличилось число общеобразовательных и специализированных школ; выросло число студентов, открылись новые вузы; восстановлены и построены храмы, музеи, библиотеки, театры; появилась современная пищевая промышленность. Несмотря на “статистическое” падение жизненного уровня, люди стали лучше одеваться, покупать несравнимо больше автомобилей, бытовой техники; продукты стали общедоступными и др.⁵⁷

Но ничего этого люди не хотели замечать, ностальгируя по социализму, когда “мы лучше жили”. Психологам известен этот механизм. По их мнению, с помощью игры контрастов между настоящим и прошлым наша память избегает всего того, что неприятно, отрицательно или невыносимо. В нашем сознании восстанавливаются лишь приятные, положительные или выигрышные моменты, возрождаются воспоминания в более удовлетворительном виде, более соответствующими нашим желаниям. “Отдаленные эпохи, – писал Э. Фром, – окутаны в воображении живым и таинственным очарованием. Как только люди становятся недовольны настоящим..., они обращаются к прошлому и в очередной раз надеются найти никогда не забываемую мечту о золотом веке...”.⁵⁸

Все вожди, – заметил С.Московичи, – поддерживают свою власть, взывая к образам прошлого, которые, воскреснув, зажигают былые чувства.⁵⁹ Изменения в массовом сознании в постсоветском пространстве замечательно показаны Л.А.Гордоном.⁶⁰ Особенности динамики сознания россиян в годы рыночных и демократических реформ исследовали Г.Г.Дилигенский, Е.З.Басина, Г.И.Ванштейн, В.В.Лапкин, В.И.Пантин, К.Г.Холодковский.⁶¹ Их выводы, основанные на исследовании центральных регионов, легко экстраполировать на Кузбасс.

Наличие упаднических настроений кузбассовцев, жизненный пессимизм при наличии заметных сдвигов не только в отрицательную, но и в положительную сторону в годы реформ – это и результат скептицизма реформаторов по формированию общественного сознания,

⁵⁷ Подробнее см. Л.Лопатин. Кузбассовцы в годы реформ. С. 5-60.

⁵⁸ Э.Фром. Иметь или быть? М., 1990. С.101

⁵⁹ Серж Московичи. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М., 1996. С.362.

⁶⁰ Л.А.Гордон. Общество “недовольных”. Особенности сознания в переходный период// Полис. 1998. № 3. С. 32-42.

⁶¹ Г.Г.Дилигенский. Российский горожанин конца девяностых: генезис постсоветского сознания (социально-психологические исследования) М.: 1998. 134 с.; Человек в переходном обществе. Социологические и социально-психологические исследования. М.: 1998. 112 с.

их беспомощности в пропагандистской и просветительской работе. В России происходила не смена партий у власти, не просто изменение общественно-политического строя и реформа, а создание условий для другой жизни, другой культуры. Старая система была лишь “взломана” демократами “первой волны” (а “второй волны” не состоялось). Становление гражданского общества – процесс долгий и мучительный.

Любая резкая смена устоявшегося общественного порядка всегда сопровождается серьезным общественным кризисом. В одной из своих работ диссертант сделал вывод, что радикальная ломка устоявшихся социально-экономических и культурных структур всегда вызывает массовую невротическую реакцию. Этот невроз обычно проявляется в самодеструкции (алкоголизации, наркотизации, бродяжничестве), социальном аутизме (уходе в себя), социальном мазохизме (неприятиии самих себя), регрессе (уходе в мир детских радостей). У одних – активизировалась деструктивная энергия, произошло озлобление (это видно по лицам митингующих), усилился аморализм. Другие – стали защищаться иллюзиями (феномен “мыльных телесериалов”). Третьи – замкнулись и отошли от активной общественной деятельности. Четвертые – впали в апатию и т.д.⁶²

Леворадикальным партиям и профсоюзам удалось к 1996-1997 гг. слить всю эту отрицательную человеческую энергию в единый антиреформаторский поток, который вот-вот мог перехлестнуть грань допустимого, закончиться применением силы. К 1998 г. вместо организованного, влиятельного, конструктивного рабочего движения, каким оно было в 1989-1991 гг., общество получило массовый стихийный социальный и политический протест, иногда подхватываемый профсоюзами. “Дикий капитализм” в России в виде невыплат заработной платы, бесконтрольного закрытия предприятий, воровства бывшей государственной собственности и др. стал возможным во многом из-за отсутствия сильных общественных структур, способных, как они делали в 1989-1991 гг., контролировать социально-экономическую ситуацию “снизу”.

В работах акцентируется, что демократия не означает полной свободы.⁶³ Демократия – это совокупность обязанностей индивидуума по отношению к другому индивидууму и государству. Демократия – это личная ответственность каждого гражданина перед обществом. Когда-то

⁶² Л.Н.Лопатин. Кузбассовцы в годы реформ. С.58.

⁶³ См. Л.Н.Лопатин. История рабочего движения Кузбасса. С. 290-291; его же, Рабочее движение Кузбасса в воспоминаниях... С.593-604.

это хорошо понимали лидеры рабочего движения Кузбасса, вся деятельность которых проходила под знаком гражданской ответственности за свои действия. Анализ фонограмм заседаний рабочих комитетов показывает, что в выступлениях их участников очень редко можно встретить высказывания о свободе, как об освобождении от порядка вообще. Однако в постсоциалистической России понимание свободы для себя, без ответственности и обязательности перед другими, стало доминирующим. Что, естественно, негативно сказалось на позитивности реформ. Опыт рабочих комитетов по предоставлению личности права быть иной, ограниченной лишь нормой справедливости, их опыт по реализации единства свободы и ответственности оказался утраченным. По крайней мере, в Кузбассе. Революционный прорыв Кузбасса “снизу” к открытому гражданскому обществу был подавлен. Это стало результатом влияния коммунистической номенклатуры, пассивности интеллигенции, поступков тех, кто–либо по глупости, либо ради личного комфорта молчал или прямо предавал интересы народа.

Надо согласиться с утверждением И.К.Пантина, что свержение тоталитарного режима в августе 1991 г. означало не эпилог борьбы, а скорее пролог новой борьбы, главным содержанием которой уже стало не противопоставление тоталитаризма и демократии, а выбор типа политической и социальной эволюции страны.⁶⁴

В ЗАКЛЮЧЕНИИ целесообразно отметить, что за многие десятилетия показной советской демократии рабочее движение России было первым опытом подлинной демократии, опытом влияния народа на функционирование государства. Исследования по этой теме показывают:

– К концу 80-х годов социалистическая система с её неэффективными экономическими и политическими механизмами в целом созрела для радикального реформирования. Так называемая перестройка была попыткой урегулирования лишь внешних, видимых конфликтов в обществе без разрешения системных противоречий социализма. Требовались изменения в самом существе власти, в её взаимоотношениях с народом, в характере отношений собственности и присвоении результатов труда.

– Июльская 1989 г. забастовка шахтеров Кузбасса положила начало массовому общественному движению за коренное переустройство политической и экономической системы сначала в СССР, а затем в

⁶⁴ И.К.Пантин. Посткоммунистическая демократия в России. // Вопросы философии. 1996. № 6. С.№ 3, 4, 6.

других социалистических странах. Первоначально это была типичная экономическая стачка, но почти сразу же переросла в движение за права человека, столкнувшись, естественно, с жестким противоборством власти.

– По характеру рабочее движение Кузбасса можно разделить на два периода: 1989-1993 гг. борьба за демократическое реформирование политического строя и радикальное преобразование экономической системы; с 1994 г. развитие контрреформаторских тенденций.

– И в том и в другом периоде в эволюции требований наблюдался аналогичный алгоритм – от требований экономических к требованиям политическим. Точнее сказать, и там и там экономические требования носили характер политических, так как адресовались в основном государству. Несмотря на реформы (с 1992 г.), отношения собственности для бастующих (шахтеров, врачей, учителей и др.) принципиально не изменились: работодателем по-прежнему оставалось в основном государство.

– Рабочее движение Кузбасса имело значительные приоритеты в демократическом движении России: в определении направления стратегии и тактики борьбы; в постановке задачи политической и общественной реабилитации частной собственности; в требовании перехода от административно-командной к рыночной экономике; в переходе ещё в 1989 г. ряда средств массовой информации в режим свободы слова; в создании альтернативной КПСС общественно-политической организации; в передаче власти от КПСС Советам народных депутатов и др. Рабочее движение Кузбасса в 1989-1993 гг. было одной из основных баз для демократии всей страны.

– Несмотря на существовавшие в рабочем движении Кузбасса 1989-1993 гг. различия во взглядах (одни – за демократию и рынок; другие — за демократию, но без рынка; третьи — за рынок, но без демократии; четвертые — ни рынка, ни демократии) основной для объединения был антикоммунизм. Однако считать антикоммунизм идеологией рабочего движения будет преувеличением. Четкого формирования идейных взглядов не произошло. “Антикоммунизм” шахтёров был лишь отрицанием низкого уровня жизни, неэффективной организации народного хозяйства, произвола партноменклатуры. Шахтеры имели лишь умозрительное представление о западной рыночной экономике и демократии.

– В отличие от них, лидеры рабочего движения Кузбасса менее чем за полгода вызрели до убежденных антикоммунистов, что стало

следствием когда-то полученного ими образования (это были в основном инженеры и техники), природного таланта, изучения политической и философской литературы (ранее недоступных авторов), общения с известными в СССР интеллектуалами и политиками. Решающим обстоятельством в вызревании лидеров до антикоммунизма как системы взглядов было то, что они действовали в нестандартной для СССР политико-психологической среде. Атмосфера свободы, созданная в Кузбассе, освободила людей от груза теоретических догм и политических установок, от всепоглощающего страха за “неправильное” слово, от всего того, что десятилетиями сковывало советского человека, обрекало его на догматизм мышления.

– Идеичный антикоммунизм лидеров движения лишь на какое-то время совпал со стихийным антикоммунизмом шахтёров. После августа 1991 г. антикоммунизм лидеров вылился в конструктивную поддержку реформаторов, а “антикоммунизм” шахтёров превратился в антиреформаторское движение, сделав их таким образом союзником тех сил, против которых они боролись в 1989-1992 гг.

– Интеллигенция Кузбасса не приняла участия в выработке нового политического сознания и внесения его в массы. Мало того, она сама осталась в основном на старых догматических позициях, о чем вполне определенно говорят её забастовки 1991-1998 гг. и ещё более определенно – результаты выборов в местные органы самоуправления, Государственную Думу и др. Интеллигенция сама не прошла покаяния за социальный эксперимент 1917 - 1991 г. и не подвигла к нему людей, ответственность за который есть, по большому счету, у каждого советского человека. Без глубокого осознания собственной вины за прошлое, нет ответственности за настоящее, нет перспективы в реформировании общества, которое при активном (или пассивном) участии каждого из её членов подверглось глубокой нравственной деградации в советское время. Без участия интеллигенции в движении за гражданское общество долгое время будут сохраняться примитивные представления о демократии (как будто бы вседозволенности) и наивная фетишизация экономики, как самодостаточного элемента в реформировании страны. Экономика и не изменяется в определяющей степени потому, что не изменился человек с его советской привычкой к “вроде труду”, к “вроде образованию”, с его извращенными понятиями о патриотизме, чести, достоинстве, семье и др.

– Слабая работа по формированию политического сознания привела в постсоциалистическое время к “перескоку” вождей рабочего

движения через социал-демократию к неолиберализму. Затухание активности основной рабочей массы стало неизбежно. Консервативная, национал-большевистская линия в рабочем движении Кузбасса стала доминирующей. Как показывает материалы Донбасса, Воркуты, Караганды и др. это случилось во всём постсоциалистическом пространстве СНГ.⁶⁵

– В постсоциалистическое время конструктивизм лидеров рабочего движения Кузбасса оказался невостребованным. Это произошло потому, что, во-первых, у реформаторов страны не было четко прописанной программы действия и отсутствовала пропаганда как намеченного курса, так и уже достигнутых результатов; во-вторых, считавшееся демократическим руководство Кузбасса к концу 1993 г. сумело вывести влиятельных лидеров рабочего движения “за скобки” кузбасского политического истеблишмента и восстановить во власти бывших партийных, советских и хозяйственных руководителей.

– Возможность широкой общественной поддержки реформ открывалась в Кузбассе в начале 1990 г., когда рабочие комитеты предложили концепцию “реабилитации” частной собственности на средства производства и реставрации рыночной экономики. Рабочие комитеты Кузбасса, таким образом, оказались первыми инициаторами проведения радикальной экономической реформы на основе рыночной идеологии (январь 1990 г.): утверждение частной собственности на средства производства (в том числе и землю), восстановление товарно-денежных отношений как естественных регуляторов экономики, отказ от административно-командных методов. Тогда у рабочих комитетов был исключительно высокий авторитет в обществе, и они могли держать социальную ситуацию под полным контролем. Тогда ещё существовала жесткая вертикаль власти, как неременное условие успешности реформ. После 1991 г. жесткость власти, единство её воли исчезло. Рабочие комитеты уже утратили своё полновесное влияние и на общество, и на власть. Без общественной поддержки, без давления “снизу” реформы были обречены на вялость, непоследовательность, противоречивость и, в известной степени, “антинародность”.

– Политики, хозяйственники, экономисты (как местные, так и столичные) не воспользовались тем, что открылось благодаря рабочему

⁶⁵ О наиболее характерных рабочих движениях и организациях России в 1990-1991 гг. см. в предисловии к сборнику документов и материалов “Рабочее движение Кузбасса”. С. 34, а также в кн. См. И.Шаблинский. Указ соч. С.158-206

движению. В постсоциалистические годы общество заплатило высокую социальную цену за эту недалекость. Новое, считавшееся демократическим, руководство России повторило опыт советских руководителей по выведению народа за пределы функционирования государства, как особого комитета по делам управления обществом на основе закона и права.

– Заслуга рабочего движения в том, что ФНПР уже превратился хотя бы в полупрофсоюз и стал способен трансформироваться в настоящий профсоюз, каковыми являются подобные структуры на Западе. Эта эволюция стала возможной в связи с моральным и политическим давлением со стороны независимых профсоюзов. Во второй половине 90-х гг. по объективным политическим, культурным, социально-психологическим основаниям снялось разделение между независимыми профсоюзами и ФНПР. Остались, видимо, только субъективные причины взаимонеприятия на уровне их номенклатур.

– В июле 1989 г. в Кузбассе возник уникальный опыт общественного диалога власти с народом без посредников. К концу 1993 г. он был утрачен почти полностью. Исчезло эффективное давление народа на власть и собственников средств производства. Шахтеры потеряли психологическое ощущение собственной сопричастности к реформам. Правительство реформаторов для них превратилось в объект борьбы. Давление снизу на власть и на собственников средств производства составляет главный предмет рабочего и профсоюзного движения во всём мире, считается одним из основных проявлений демократии.

– Трудности постсоциалистической России вызваны не только (возможно, не столько) субъективными ошибками реформаторов и препятствиями, которые создают им их политические оппоненты, сколько тяжелым наследием в виде неэффективной социалистической экономики, с её давно устаревшими основными фондами предприятий, исключительно низкой экономической подготовкой управленческих кадров, воспитанных в основном только на умении выполнять приказы вышестоящих лиц и структур. Трансформация экономики затруднена и тем, что естественный процесс развития рыночной экономики был прерван много десятилетий назад, и советские люди ни сознательно, ни психологически не готовы принять новое, которое по существу является хорошо забытым старым.

– Рабочее движение Кузбасса – это ступенька, на которую когда-то поднялись люди на пути к гражданскому обществу. Деятельность рабочих комитетов была первым в СССР опытом функционирования

гражданского общества, которое, как известно, порождается и выращивается процессами соучастия граждан в принятии общественно значимых решений и их реализации на всех уровнях – от местного до государственного. Но потом было попятное движение. Высокая гражданская активность сменилась типичной для советского (любого социалистического) общества пассивностью людей. В результате рабочий человек остался один на один с чиновником и директором предприятия, за которыми стояла сила власти, сила администратора и сила денег (а иногда и мафии).

– Без массового общественного движения, без развития новых или действительно обновленных профсоюзов невозможен зрелый рынок труда, здоровые социально-трудовые отношения, реальная конкуренция и эффективность. Кузбасс, “поднявшийся с колен” в 1989 – 1992 гг., усилиями тех, кто боролся с рабочими комитетами, кто пассивно наблюдал за этой борьбой, вновь оказался на коленях перед работодателем, перед государством.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ ПО ТЕМЕ:

Монографии, сборники документов:

1. Рабочее движение Кузбасса. Документы и материалы. Кемерово: 1993. 622 с., 42, 5 п.л. Составитель, ответственный редактор, автор примечаний и комментариев, соавтор предисловия (с Л.А.Гордоном и Э.В. Клоповым) Поиск документов и работу над ними вели: Н.В.Галкин, К.А.Заболоцкая, А.И.Копытов, А.А.Куделин, Л.Н.Лопатин, Н.Л.Лопатина, Г.А.Макурина, В.А.Сергиенко.
2. История рабочего движения Кузбасса. 1989 - 1991 гг. (редактор Л.А.Гордон). Кемерово: 1995. 304 с., 19 п.л.
3. Путь от коммунизма... Как это было? (редактор А.А.Куделин). Кемерово: 1996. 259 с., 16,1 п.л.
4. Рабочее движение Кузбасса в воспоминаниях его участников и очевидцев (редакторы: Л.А.Гордон, А.А.Куделин). М.: 1999. 613 с., 39 п.л.

Брошюры:

5. Кузбассовцы при социализме. Кемерово: 1996. 48 с., 3 п.л.
6. Кузбассовцы в годы реформ. Кемерово. 1996. 64 с., 4 п.л.
7. Социализм глазами современника. Кемерово: 1996. 31 с., 2 п.л. (в соавторстве с Н.Л.Лопатиной).
8. Формирование территориально-промышленного комплекса Кузбасса (угольная промышленность). Гл.2. // Превращение Кузбасса в индустриальный регион (1927-1937 гг.). Учебное пособие. Кемерово: 1995. 1 п.л.

Статьи, документы:

9. Партийное руководство совершенствованием управления шахтами Кузбасса в 1928-1937 гг. // Из истории борьбы КПСС за победу социализма и коммунизма. М.:1975. С. 74-90. 1 п.л.
10. Изменение структуры управления шахтами Кузбасса в 1928 - 1937 гг. // Коммунистическая партия – организатор развития топливно-энергетического комплекса Сибири. Сборник научных трудов. Кемерово: 1986. С. 15-25, 0,62 п.л.
11. Проект сценария переговоров рабочих комитетов с правительственной комиссией 15 января 1990 г. // Рабочее движение Кузбасса. С. 218-220, 0,25 п.л. (в соавторстве с М.Б.Кислюком и др.).
12. Соглашение между правительственной комиссией и Советом рабочих комитетов Кузбасса по выполнению “Протокола о согласованных мерах между региональным забастовочным комитетом Кузбасса и комиссией ЦК КПСС, совета Министров СССР и ВЦСПС (вариант проекта для переговоров). // Рабочее движение Кузбасса. С. 224-230, 0,57 п.л. (в соавторстве с М.Б.Кислюком и др.).
13. Соглашение между правительственной комиссией и Советом рабочих комитетов Кузбасса по выполнению “Протокола о согласованных мерах между региональным забастовочным комитетом Кузбасса и комиссией ЦК КПСС, совета Министров СССР и ВЦСПС (вариант для подписания правительством СССР). // Рабочее движение Кузбасса. С. 232-236, 0,35 п.л. (в соавторстве с А.Н.Гековым и др.).
- 14.. Доклад о Программном заявлении “Союза трудящихся Кузбасса”. // Рабочее движение Кузбасса. Документы и материалы. С. 153-157, 0,31 п.л. (опубликован в сокращении).
15. Программное заявление “Союза трудящихся Кузбасса”. // Там же. С. 158 - 165, 0,5 п.л. (в соавторстве с Ю.И.Чуньковым и др.).
16. Устав “Союза трудящихся Кузбасса”. // Там же. С.165-170, 0,37 п.л. (в соавторстве с Ю.И.Чуньковым и др.).
17. Доклад на конференции демократических сил Кузбасса. // Рабочее движение Кузбасса. С. 97-103, 0,43 п.л. (опубликован в сокращении).
18. В борьбе против командно-административной системы в годы первой и второй пятилеток (на примере угольной промышленности Кузбасса). // Политика в области промышленного освоения Сибири. Межвузовский сборник научных трудов. Новосибирск: 1991. С.52-61, 0,62 п.л.
19. Крупные кузбасские руководители и известные журналисты о причинах тяжести реформ в постсоциалистическое время. // 55 лет Кемеровской области. Кемерово: 1998. С. 201-207, 0,37 п.л.

20. Воспоминания кузбассовцев старшего поколения как средство формирования исторического сознания студентов (в соавторстве с М.И.Агибаловой и др.). // Там же. С. 232-238, 0,43 п.л.

Тезисы докладов:

21. О сопротивлении внедрению командно-административных методов управления в годы первых пятилеток. // Исторический опыт социалистических преобразований и дальнейшее развитие Кузбасса. Кемерово: 1989. С. 57-60, 0,25 п.л.

22. Из истории деятельности партии по переводу советского народа на самообеспечение продуктами питания в годы первых пятилеток. // Руководство партией социалистическим строительством в Сибири и революционная перестройка. Материалы Всесоюзной научной конференции. Якутск: 1989. С.142-144, 0,18 п.л.

23. Стахановское движение в угольной промышленности в конце второй пятилетки. // Сибиряки в борьбе за власть Советов и защиту социалистического отечества. Новосибирск: 1990. С. 131-133, 0,18 п.л.

24. Политика преследования интеллигенции и создание псевдоинтеллигенции как способ укрепления командно-административной системы. // Интеллигенция в системе социально-классовой структуры и отношений советского общества. Материалы Всесоюзной научной конференции. Кемерово: 1991. С. 62-63, 0,12 п.л.

25. Резолюция поддержки бастующих шахтёров участниками Всесоюзной конференции историков, философов, социологов. // Рабочее движение Кузбасса. С. 439, 0,12 п.л. (в соавторстве с В.Л.Соскиным и др.).

26. Об этапах рабочего движения Кузбасса. // 50 лет коренному перелому в Великой Отечественной войне. Материалы научной конференции. Кемерово: 1992. С. 139-140, 0,12 п.л.

27. Рабочее движение Кузбасса. Документы и материалы (внеплановый доклад). Amerikan Association for the Advancement of Slavic Studies. 25 th National Convention. Honolulu, November 19-22, 1993.

28. История взаимоотношения КПСС со структурами рабочего движения Кузбасса. // 50 лет Великой победы. Материалы научной конференции. Кемерово: 1995. С. 156-158, 0,12 п.л.

29. Требования рабочих комитетов Кузбасса 1989-1991 гг. как факт нереализованности задач Октября. // Октябрь 1917 года. Уроки истории и современность. Материалы научной конференции. Кемерово: 1997. С. 100-102, 0,25 п.л.